

А. Л. НОСОВИЧ
(А. ЧЕРНОМОРЦЕВ)

КРАСНЫЙ ЦАРИЦЫН.
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Записки белого разведчика

МОСКВА
«АИРО–XXI»
2010

Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО–XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Анатолий Леонидович Носович
(А. Черноморцев)

Красный Царицын. Взгляд изнутри.
Записки белого разведчика

Предисловие и комментарии *А. В. Венков*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

Подписано в печать с оригинал-макета 18.03.2010.
Формат 60х84 1/16. Бум. офс. №1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: (495) 466-16-35. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

ИЗДАНИЯ АИРО

2009

- Стивен Коэн.* Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. Ирины Давидян.
- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- В. А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- Н. В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- А. П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А. П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В. Н. Томилин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н. И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО - Монография).
- Эрик Кулевиг.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф. Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя.

Возвращаясь на улицу Юности.

Л. А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО — Первая монография»).

Б. В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А. К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Елена Прошина. Память потолка. Стихи.

2010

Стивен Коэн. Утраченное наследие Горбачева. («АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).

Э. Б. Гурвич. Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. («АИРО — первая публикация»).

Г. А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти (Проект «Политика истории в СССР/России»).

Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах / Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт.

Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. «Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”». Вып. 7.

И. Б. Каргина. Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». «Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”». Вып. 8.

Мировой кризис и Япония. Сб. под ред. Э. В. Молодяковой.

Предисловие и комментарии *А. В. Венков*

Дизайн обложки *Сергей Шербина*

А. Л. Носович. Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика / [Текст]. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 96 с.

Серия очерков полковника Анатолия Леонидовича Носовича (1878–1968) – о вражеских вождях и о вражеской армии. Одно ценно – автор видел врагов вблизи, а некоторые стороны их жизни наблюдал изнутри, потому что некоторое время служил в их армии: в мае 1918 года по заданию Московской подпольной белогвардейской организации поступил на службу в Красную армию, в управление Северо-Кавказского военного округа. Как начальник штаба округа он непосредственно участвовал в разработке и проведении операций против белых войск и впоследствии уверял, что сделал все возможное, чтобы по одиночке посылать разрозненные красноармейские части против превосходящих сил противника. 11 октября 1918 года А. Л. Носович бежал от красных к белым.

Очерки публиковались в течение 1919 года в ростовском журнале «Донская волна».

ISBN 978-5-91022-103-5

© «АИРО–XXI», 2010

© А.Г.Макаров, составление, 2010

© А. В. Венков, предисловие,
комментарии, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1. КРАСНЫЙ ЦАРИЦЫН	
Сталин	24
Ерман, Минин, Тулак и Ворошилов	30
Ноев ковчег	35
2. ВОЖДЬ КРАСНЫХ И. И. ВАЦЕТИС И ДР.	
Вацетис	42
Гиттис	51
Бывший генерал Каменев	53
3. ВОЖДИ КРАСНЫХ	
Командарм Егоров	57
Думенко	59
Жлоба	60
Гай	61
Миронов, Киквидзе и Захаревич	62
4. КРАСНАЯ АРМИЯ	68
«Бывшие офицеры»	74
«Белогвардейцы» в совдепии	78
5. ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ЦАРИЦЫНА	81
ПРИМЕЧАНИЯ	84

ПРЕДИСЛОВИЕ

От этих очерков трудно ждать объективности. Писали их для массового читателя и писали о врагах – о вражеских вождях и о вражеской армии. Одно ценно – автор видел врагов вблизи, а некоторые стороны их жизни наблюдал изнутри, потому что некоторое время служил в их армии. Итак...

Анатолий Леонидович Носович (27 октября 1878 – 25 января 1968), из дворян. Закончил Псковский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1899) и академию Генштаба (1910). Участник 1 Мировой войны, полковник, командир лейб-гвардии уланского Его Величества полка. Кадровый военный. Генштабист. Гвардеец. Судя по датам жизни, обладал завидным здоровьем.

В мае 1918 года по заданию Московской подпольной организации (естественно, белогвардейской) поступил на службу в Красную армию. В это время, с 10 по 23 мая, в Москве формировалось управление Северо-Кавказского военного округа. А. Л. Носович был зачислен на службу именно сюда и отбыл вместе с управлением военного округа в Царицын. Острая нехватка военных профессионалов в Красной Армии в первые месяцы ее формирования позволила А. Л. Носовичу занять высокую штабную должность. Он стал начальником штаба СКВО.

Сам округ был образован декретом Совета Народных Комиссаров от 4 мая на территории Донской, Кубанской, Терской и Дагестанской областей, Черноморской и Ставропольской губерний. На военные округа возлагалась задача готовить и формировать резервы для действующей армии. Старая русская армия к тому времени уже демобилизовалась, а новая – Красная Армия – сдерживала в низовьях Дона немецкие части, устремившиеся на Кавказ и в Закавказье, несмотря на подписание Брестского мирного договора. В Царицыне же предполагалось запастись все необходимое и формировать резервы для отражения немецкого наступления.

С 18 июня 1918 года управление округа начало свою практическую деятельность в Царицыне. Причем дело пришлось иметь не с

немцами, с которыми в конце июня окончательно договорились и установили демаркационную линию, а с восставшими донскими, кубанскими и терскими казаками и с Добровольческой армией Деникина. В связи с казачьим восстанием и началом 2-го Кубанского похода «добровольцев» Северо-Кавказский военный округ из тыловой структуры превратился в структуру фронтовую. Руководству округа пришлось непосредственно оборонять Царицын от казаков Мамонтова, и спасало город лишь то, что восставшие казаки изначально вели войну оборонительную и за пределы своей Области Войска Донского выходили лишь с целью банального грабежа. Впрочем, по мере разорения хозяйства цель эта становилась все перспективнее...

А. Л. Носович, как начальник штаба округа, непосредственно участвовал в разработке и проведении операций против белых войск и впоследствии уверял, что сделал все возможное, чтобы по одиночке посылать разрозненные красноармейские части против превосходящих сил противника. Но Царицын казаки в тот раз так и не взяли, а 23 сентября 1918 года Северо-Кавказский военный округ расформировали в связи с созданием Южного фронта, структуры более приспособленной для ведения правильных военных действий против казаков и Добровольческой армии.

11 октября 1918 года А. Л. Носович бежал от красных к белым. Видимо, после «успешного» руководства штабом военного округа оставаться среди большевиков для него было небезопасно.

У Деникина Носович числился в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. К этому времени и относится написание им предлагаемых очерков. Появились они в альманахе «Донская волна» зимой 1918–1919 годов и публиковались весь 1919 год с завидной регулярностью. Только подпись под ними, естественно, стояла вымышленная – «А. Черноморцев». А. Черноморцев описывал большевистских вождей, жизнь «под большевиками», Красную Армию, особое внимание уделял офицерам старой русской армии, пошедшим служить большевикам. Он высоко оценивал противостоящего белым противника, но, тем не менее, предрекал победу над «интернационалом» (иначе его просто не печатали бы). Предсказания не сбылись...

В Русской армии П. Н. Врангеля А. Л. Носович был произведен в генерал-майоры и назначен начальником тылового района по борьбе с партизанским движением. После окончания гражданской войны эмигрировал во Францию, где и умер.

В очерках А. Л. Носовича нас, естественно, привлекают портреты большевистских руководителей, которые впоследствии сыграли огромную роль в истории нашей страны. Так уж случилось, что на службе у

большевиков автор очерков сталкивался с таковыми и описал их задолго до того, как они достигли вершин власти. В первую очередь это образ И. В. Сталина, прибывшего в Царицын в июне 1918 года в качестве чрезвычайного уполномоченного ВЦИК по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа в промышленные центры (А. Л. Носович ошибочно называет его «народным комиссаром по продовольствию») и с 19 июля 1918 года возглавившего Военный совет Северо-Кавказского военного округа.

«Сталин не стесняется в выборе путей для достижения своих целей. Хитрый, умный, образованный и чрезвычайно изворотливый...» – вот первая характеристика И. В. Сталина Носовичем. «...Не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, уходить от раз начатого им дела. Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой, из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим».

Что важно, А. Л. Носович дает яркий образ не только формального, но неформального лидера большевиков: «Сталин сразу поставил себя как бы в стороне от внутренних и оперативных дел Северного Кавказа, но на самом деле все комиссары, как округа, так и города не предпринимали ни одного решения без одобрения этого важного наркома».

Показывается, как Сталин от сбора и отправки продовольствия перешел к руководству округом: «...попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин начал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына в частности и всего кавказского, так называемого, революционного фронта вообще».

Возглавив военный округ, Сталин ведет себя как диктатор: «Итак, с 20 июля Царицын, а вместе с ним и весь Северный Кавказ перешел в ведение ничем не ограниченного сатрапа Сталина-Джугашвили», – пишет Носович.

Сталин жесток и безжалостен, он сразу начинает борьбу с контрреволюционным подпольем и ищет именно там, где надо, и подозреваемым пощады не дает. «Вот как начал расправляться Сталин с тем элементом, который казался ему подозрительным», – такими словами завершает Носович свое повествование о разгроме белого подполья в Царицыне.

Перед нами образ без какого-либо намека на карикатурность, образ узнаваемый. Именно таким изображала И. В. Сталина российская демократическая и либеральная пресса с конца 1980-х годов, да и сейчас изображает. Причем автор чутко уловил явную неприязнь Сталина к Троцкому. Он показал это на примере реакции Сталина на одну из телеграмм «демона революции»: «Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округом,

прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначащую надпись на телеграмме:

– Не принимать во внимание».

В дальнейшем, мы знаем, борьба с Троцким станет важнейшей составляющей всей жизни Сталина.

И еще одна деталь: «Сталин крепко надеялся на агитацию. Он частенько поговаривал в спорах о военном искусстве: «Это все хорошо, что все говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной агитацией солдата, то, поверьте, он ничего не сможет сделать с самым ничтожным по количеству, но воодушевленным революционером».

И Сталин, сообразно своему убеждению, не жалел никаких средств на пропаганду, на издание газет, на их распространение, на посылку агитаторов...».

То есть Сталин еще в 1918 году вел с кадровыми офицерами споры о военном искусстве, и генштабист Носович, заведомый враг, не делает однозначных выводов, что Сталин, дескать, в военном деле профан (в отличие от мнения Г. К. Жукова, который считал, что Сталин до 1943 года в военном деле не разбирался).

Царицын, как транспортный узел и речной порт, играл особую роль в гражданской войне на Юге в 1918 году, и А. Л. Носович уделил достаточно внимания и населению и властям города. «Гражданское управление» Царицына, по мнению автора, – Сергей Константинович Минин и Яков Зиновьевич Ерман. Характеристики даются краткие, но емкие:

«С. К. Минин – сын протоиерея посада Дубовки, местный деятель. В 1905 году отец его громил революционеров с амвона, а сын громил власти и своего отца на площади против церкви. В 1905 году победил отец – теперь взял верх сын. Но, взявши верх, сын не остановился, и покатился далее по наклонной плоскости революции и стал ярым большевиком».

«Я. З. Ерман – не абориген Царицына был вольноопределяющимся в царицынском запасном полку, остался в Царицыне, выдвинулся на митингах и занял видный пост в совдепе Царицына. Ерман был ярым большевиком и, если Митин, как местный старожил, еще имел некоторый сдерживающий импульс в виде остатков своих местных связей, то Ерман, ничем не сдерживаемый, свирепствовал...».

Будучи совсем молодым человеком, 25–26-ти лет, обладая завидной энергией, Ерман оказывал большое влияние на все дела Царицына и был действительно одним из столпов большевизма в городе.

Все репрессивные меры, до прибытия Сталина, всегда исходили от Ермана, и «буржуазия», а вместе с ней и все те, кто имел несчастье подходить под термин контр-революционера, испытали не раз на себе силу Ермана.

По настоящему положению Ерман считался военным комиссаром Царицына, но в этой области, кроме нескольких неудачных попыток устройства мобилизации на чисто новых началах «Красной армии», его деятельность дальше не пошла.

Смерть свою он нашел на одном из рабочих митингов, где его высокомерное обращение с рабочими-грузчиками вызвало недоразумение, во время которого кто-то выстрелом в затылок убил Ермана».

В действительности Яков Зельманович (возможно, в быту его звали и «Зиновьевичем») (1896–1918), член партии большевиков с 1915 года, студент Петроградского политехнического института, член Выборгского райкома РСДРП(б) в Петрограде, прибыл в Царицын в мае 1917 года, где вошел и в Царицынский комитет партии и в Исполнительное бюро Совета и возглавил городскую думу и управу. И это в 20 с небольшим лет... От Царицына он был делегирован на Съезд Советов, принимавший конституцию РСФСР. «Член ВЦИК. Участник подавления **левоэсеровского мятежа 1918** в Москве, — сказано о нем в энциклопедии. — Направляясь в Царицын, на пароходе опознал и арестовал Ю. В. Саблина, одного из руководителей левоэсеровского мятежа в Москве; смертельно ранен контрреволюционерами 17 июля на пристани в ст. Николаевской, близ Камышина...». Ныне Я. З. Ерман стоит «первым в «неформальном списке» стремительно забываемых героических фамилий... В настоящее время имя Ермана носит в Волгограде платформа электрички»¹.

«Минин, оставшись без своего помощника и отчасти без соперника по популярности и энергии, не оправдал возлагавшихся на него надежд революционного царицынского элемента и в дальнейшем той роли, которую предсказывали и ожидали от него его почитатели, — характеризует второго «вождя» А. Л. Носович. — Главной причиной этой в нем перемены было появление Сталина, борьба с которым была Минину не по плечу...

Тем не менее, надо отдать справедливость Минину, что его работоспособность очень большого масштаба. Сколько раз приходилось наблюдать его за работой почти круглые сутки. Для него просидеть восемь-десять часов на коллегиальном решении какого-нибудь вопроса и немедленно отправиться на фронт или заняться чисто городскими делами, которых он не покинул, не представляло видимой

---

¹ АиФ. Нижнее Поволжье. № 32 (689). 8 августа 2007.

трудности. Кроме того, безусловно, нельзя не отдать ему должного, что он, несомненно, по природе очень умный, решительный и гибкий человек...

Включение Царицына в Северо-Кавказский округ позволило Минину выйти на широкую арену областной деятельности и вот, вероятно, недостаток кругозора бывшего семинариста и стал причиной того, что Минин утерял свой вес и не мог справиться с выпавшей на его долю задачей».

Мы же знаем, что «бывший семинарист» С. К. Минин (1882–1962), член партии большевиков с 1905 года, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, в свое время учился в университете в Вене, и кругозора у него, видимо, хватало. Он не стал бороться со Сталиным. Наоборот, всю гражданскую войну он прошел в тандеме с «верным сталинцем» К. Е. Ворошиловым, пережил все «чистки», более того – сам «чистил», цепко держался за вторые роли в партии и государстве и благополучно дожил до 80 лет. Из всех упоминаемых А. Л. Носовичем большевистских деятелей С. К. Минина пережил лишь К. Е. Ворошилов.

Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969) из всех военных советских вождей (Тулак, Сиверс, Киквидзе, Миронов, Вацетис, Захаревич, Думенко, Жлоба, Гай, Каменев, Сытин), характеризующихся в представленных очерках, фигура наиболее значимая. С 1926 по 1960 гг. он входил в высший партийный орган – Политбюро ЦК и Президиум ЦК, с 1925 по 1940 гг. возглавлял военное ведомство Советского Союза, а с 1953 по 1960 гг. был Председателем Президиума Верховного Совета СССР – формальным главой государства. И, тем не менее, Ворошилова А. Л. Носович характеризует кратко: «недюжинный самородок», «бывший слесарь, выдвинувшийся благодаря революции и полной разрухе, в так называемых армиях южного Главковерха Антонова-Овсеенко, которые отступали, теснимые немцами», «ясный ум, здравые военные рассуждения». «Надо отдать справедливость Ворошилову, что если он не стратег в общепринятом смысле этого слова, то, во всяком случае, ему нельзя отказать в способности к упорному сопротивлению и, так сказать, к ударной тактике». Не много. Видимо, лучше рассмотреть К. Е. Ворошилова, возглавившего вскоре все советские войска в районе Царицына, А. Л. Носовичу помешало настороженное отношение Ворошилова к таким как Носович «военспецам» и полная неспособность бывшего слесаря к интригам, в ходе которых раскрываются самые разнообразные качества человека. Ворошилов при всей его слабой образованности мог быть верным и преданным другом, искренне признавал верховенство Сталина, и именно поэтому был вознесен по-

следним на вершины власти. А когда Сталина не стало, авторитет, репутация и известность Ворошилова оставались так велики, что грызущиеся за реальную власть «преемники» дружно выдвинули его на высшую, но парадную, представительскую должность.

И еще один царицынский военный деятель, руководивший здесь советскими войсками до появления Ворошилова, описан Носовичем кратко и беспристрастно: «В июне и июле месяце таким военным деятелем являлся бывший унтер-офицер лейб-гвардии драгунского полка, «товарищ» Тулак. Этот «самородок-стратег» держал в повиновении весь царицынский округ и расправлялся с негодными для него элементами самым решительным и беспощадным образом. Царицыну не раз грозила опасность стать жертвой различных возвращающихся с фронта шаек, которые часто достигали внушительных размеров. Но Тулак, своеобразно понимая тактику и стратегию, тем не менее, всякий раз удачно справлялся с непрошенными гостями и спасал Царицын. В личной храбрости и военном глазомере ему отказать нельзя и поэтому его популярность была значительна. Главной ареной его деятельности был фронт, начиная от станции Лог и кончая станцией Ремонтная. Способ управления был простой. Там, где было плохо, Тулак ехал лично и увлекал за собой отступающих красноармейцев».

Ныне ростовчанин Иван Васильевич Тулак – фигура ушедшая и забытая. Хотя его именем и названа одна из улиц Волгограда, один из волгоградских школьников недавно в сочинении назвал И. В. Тулака известным советским космонавтом². И. В. Тулак погиб в 1919 году, «как скупко сообщает советский справочник, «от рук бандитов, подстрекаемых кулаками». По более нейтральной версии, Ивана Тулака убили в Сальских степях крестьяне, когда тот собирал со степных хуторов «продовольственную дань» для Красной Армии»³.

В своих статьях А. Л. Носович раскрывает образы высшего советского военного руководства по мере того, как оно менялось. Он дает интересные характеристики главнокомандующим Вооруженными силами Республики И. И. Вацетису и С. С. Каменеву. О самом нарком по военным и морским делам, председателе Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцком он пишет мало. О Троцком в то время и без Носовича много, ярко и зло писали, но один штрих привлекает внимание: «Такие лица, как Троцкий и Вацетис, в особенности первый, поражают своей энергией, заражают ею своих подчиненных, и, действительно, согласно германскому воинскому уставу строжайшим образом карают не за ошибки, которые естественно у неопытных совдеповцев случа-

---

² АиФ. Нижнее Поволжье. № 32 (689). 8 августа 2007.

³ Там же.

ются весьма часто, но, главным образом, кары налагаются за промедление или за бездействие власти».

Вацетису, полковнику-латышу, возглавившему оперативное руководство Красной Армией, посвящен самый подробный и пространный очерк. И тут стиль А. Л. Носовича меняется. Автор становится зол и язвителен, и это же можно будет проследить при прочтении следующих очерков. Здесь все понятно. Профессиональные революционеры, унтер-офицеры и бывшие слесари для Носовича – явные враги, и о них он пишет, по мере возможности, объективно или, по крайней мере, спокойно. Но возглавившие большевистские войска бывшие офицеры и генералы российской императорской армии для А. Л. Носовича – предатели, и при их описании автор не жалеет сарказма.

«Внешность Вацетиса самая неказистая: маленького роста, очень толстый, настолько, что фигура его представляется совершенно четырехугольной, с короткой совершенно заплывшей жиром шеей и микроскопическими постоянно воспаленными глазами, которые у него непрестанно бегают по сторонам. Одет он в костюм, представляющий нечто среднее между просто штатским и формой капитана волжского парохода».

Вацетис – «злобный латыш», для которого русские – «только материал, на котором он строит свое благополучие... Что ему Россия, и что он России?!». «...Сам он... едва ли может быть причислен к выдающимся стратегам теперешнего момента». «В своих теоретических рассуждениях Вацетис был часто смешон...» «Кучка самозванцев-интернационалистов призвала на пост главнокомандующего злобного латыша, которому чужды интересы России, непонятны ее исторические задачи и совершенно неуловимы душевные переживания и психика великого народа.

Такой главнокомандующий был нужен интернациональной компании, и в лице латыша Вацетиса большевистский совнарком нашел то, что искал».

Действительно, будучи на посту командующего Вооруженными силами Республики, И. И. Вацетис (1873–1938), помимо управления войсками, упражнялся в написании злобных антиказачьих статей, в которых доказывал, что некоторые казаки носят не только серьги в ушах, но и кольца в носу. В разгар деникинского наступления на Москву чекисты заподозрили Вацетиса в контрреволюционном заговоре, проведении секретных совещаний с врагами и арестовали. Тщательное расследование выявило лишь банальный «уход в запой». Но на пост главнокомандующего И. И. Вацетис больше не вернулся. Он работал в Реввоенсовете Республики, преподавал и, как многие ему подобные, был расстрелян в годы «великой чистки».

Сменивший Вацетиса на посту главкома полковник С. С. Каменев (1881–1936) тоже удостоился внимания А. Л. Носовича. О полководческих талантах Каменева Носович не писал, поскольку «служба этого бывшего офицера протекала большей частью в штабах, и он во время прошлой кампании не командовал никакой строевой частью». Указывается лишь, что Каменев «был большой любитель скачек, играя с увлечением на тотализаторе», и следует сомнительный комплимент: «Его внешность жгучего брюнета, с большими черными навывкате глазами и иссиня-черными, пушистыми усами очень походит на румына».

А. Л. Носович строит предположение о причинах службы Каменева у большевиков: «Повторяю, на тотализаторе Каменев играл с большим увлечением и азартом. Вероятно, его страстная натура и была причиной того, что он увлекся авантюрой и попал в русло большевистского потока». Затем автор приводит свои довольно провокационные сомнения – когда он несколько раз встречался с Каменевым, ему казалось, что тот переживает «нравственные мучения» из-за своей службы в Красной Армии, и «не оставалось никакого сомнения в том, что сердцем и душой генерал Каменев в том месте России, где свободно и гордо развевается наше национальное трехцветное знамя...».

«Дела Каменева в прошлом, настоящем и будущем покажут, насколько я был прав в своих предположениях, вернее в том, что я инстинктивно чувствовал», – писал А. Л. Носович. И это один из немногих случаев, когда автор очерков ошибся. С. С. Каменев оставался на посту главнокомандующего Вооруженными силами Республики до 1924 года, до упразднения данного поста, затем был начальником Штаба РККА, заместителем наркома по военным и морским делам, командармом 1-го ранга. Умер своей смертью. Урна с прахом – в Кремлевской стене.

Интересных характеристик удостоились оба командующие Южным фронтом – П. П. Сытин (1870–1938) и В. М. Гиттис (1881–1938).

Генерала Сытина, добровольно вступившего в Красную Армию в январе 1918 года и возглавлявшего в мае 1918 года советскую делегацию во время мирных переговоров с немцами в Харькове, Носович буквально «размазал», описав его как человека, «весь моральный запас которого сводился к жажде наживы по вывозу и спекуляции на мануфактуре, а честолюбивые замыслы требовали достижения места «главковерха» путем какой угодно подлости...». Дал ему характеристику «беспринципного, за деньги все могущего сделать человека».

Гиттису, напротив, Носович дает характеристику «старого доблестного офицера, георгиевского кавалера», человека, который «пылко любил и понимал» Россию и русскую армию, и высказывает свою

уверенность в возможности перехода Гиттиса к белым: «...Я уверенно могу сказать, что Сытин и компания заблуждаться не могут, а ищут только место, где больше дают... Гиттис же, не знаю – заблудился ли он, или тут дело еще сложнее?.. Но относительно его я уверен... Получи он соответствующий толчок извне, хотя бы такой, когда власть имеющий мог бы ему тем или другим путем напомнить его долг и обязанность... Если бы он услышал энергично-твердое: «Полковник, я вам приказываю»...

Быть может, красные раскаялись бы в том, что вверили ему армию».

Логично. Подобный пассаж является одновременно и намеком для большевиков и приглашением для Гиттиса. И характерно, что намеки на сомнения и неблагонадежность касаются действующих советских военачальников. Выходец из батраков, латыш Вацетис и оставивший командный пост генерал Сытин подобных подозрений не удостоены.

Впрочем, в 1938 году и Сытин, и Гиттис, и Вацетис закончили свою жизнь одинаково.

Большевистские вожди «второго эшелона» тоже получили от Носовича яркие, хлесткие характеристики. И здесь та же ситуация: одних он знал лично и привел при их описании ряд убийственных деталей, других он вынужден был описывать заочно, поскольку утвердился в статусе «эксперта» по большевистским вожакам, а «положение – обязывает».

К первым относятся «донской казак бывший войсковой старшина Миронов, бывший прапорщик Сиверс, хорошо известный Ростову по жестокостям его дивизии, бывший вольноопределяющийся Киквидзе и бывший подполковник Захаревич».

Сиверс и Киквидзе для А. Л. Носовича особого интереса не представляли, прапорщик из немцев и вольноопределяющийся из грузин, достигшие высоких командных постов в Красной Армии, на сторону белых перейти не могли, и о них он писал спокойно, даже объективно.

«Бывший вольноопределяющийся Киквидзе начал карьеру в январе 1918 года, когда из председателей дивизионного комитета попал на должность начальника дивизии... Он по национальности грузин и около него всегда находится изрядное количество его соотечественников.

Дивизия (Киквидзе – А. В.) грабит феерически, но хитрый начальник ее всегда от награбленного спешит уделить кое-что и голодающим советским деятелям, и главным образом, Москве.

Сам Киквидзе храбрый человек и появляется лично в самых опасных местах...

Киквидзе – один из наиболее энергичных и дельных в военном смысле начальников дивизий на фронте от Воронежа до Царицына включительно, но он же и один из наиболее бессовестных разбойников и грабителей».

Впрочем, и Сиверс и Киквидзе вскоре после перехода Носовича к белым погибли и ни практического вреда, ни практической пользы белым принести уже не могли. Тихо сошел в небытие бывший подполковник Захаревич, удостоившийся едкой характеристики: «Это совершенно особый тип красного командира, народившийся лишь в самое последнее время на почве или хронического недоедания, или по отсутствию каких-либо нравственных устоев.

Весь нравственный и умственный багаж такого командира состоит в знании военного «Полевого устава». Это и по внешности и по внутреннему содержанию совершенно забитые люди, как они были забиты и в старое время». Захаревич якобы «представлял собой тип забитого судьбою человека, единственное желание которого в настоящее время было получить деньги и угодить начальству в лице всемогущих комиссаров».

Гораздо больше внимания А. Л. Носовича привлек Ф. К. Миронов, бывший казачий войсковой старшина (подполковник), очень популярный в то время на Дону, фактически – организатор немногочисленного красного казачьего движения. Казаки одни давали белому движению массовую силу, без них «добровольцы» исчезли бы еще весной 1918 года. Поэтому образ казачьего офицера в стане красных вызывал у А. Л. Носовича горечь и сарказм. Не обошлось и без намеков на какие-то тайные помыслы Миронова (так же, как и в случае с Каменевым и Гиттисом): «Небольшого роста, худой, весьма подвижной, говорящий на митингах с большим подъемом и оттенком простонародного кликушества, мало разбирающийся в средствах достижения своих, тайных целей, Миронов, как человек ловко играющий на темных сторонах человеческой души, вне всякого сомнения может играть большую роль в совдепской части России, и там только он может иметь успех, но и там несомненно временный, ибо: ни ширины государственных взглядов, ни глубокого понимания всего ужаса настоящего положения Отечества у Миронова нет и ни в каких мероприятиях или проектах его этого не видно. Миронов, вне всякого сомнения, ненормален, страдает сильным нервным расстройством, злоупотребляет, как спиртом, так и наркотическими средствами, (последнее пристрастие наблюдается в широком масштабе в советских верхах вообще) и, надо полагать, его большевистская звезда, так же скоро закатится, как и появилась».

«Все ясно чувствуют, что «войсковой старшина» что-то замышляет, на что-то надеется, к чему-то стремится...

В советских верхах – люди не без зависти, а общий уклад не без больших интриг, а потому характер Миронова портится не по дням, а по часам, нервность увеличивается в той же пропорции и... результаты, надо полагать, не заставят себя долго ждать... Миронов окончит свою карьеру в красной армии».

Здесь А. Л. Носович показал себя недюжинным провидцем. Уже после опубликования этого очерка Ф. К. Миронов (1872–1921) писал душещипательные письма В. И. Ленину и М. В. Калинин, самовольно уводил на фронт недоформированный красный казачий корпус в надежде, что перед ним «дрогнет Деникин и преклонятся коммунисты», был пойман Буденным, приговорен по суду к расстрелу и провел двое суток в камере смертников.

«Борясь за трудовое казачество» и опасаясь, что после расстрела Миронова все красные казаки разбегутся, ВЦИК его помиловал и реабилитирован. Сам Ф. Э. Дзержинский дал ему рекомендацию в РКП(б). В 1920 году Ф. К. Миронов достиг командных высот, возглавил 2-ю Конную армию, получил пост инспектора кавалерии Красной армии (позже на этот пост назначили А. А. Брусилова). Но как только гражданская война закончилась, Миронова обвинили в организации заговора, и по постановлению Коллегии ВЧК (возглавляемой тем же Ф. К. Дзержинским) 2 апреля 1921 года расстреляли...

Другие красные казаки, попавшиеся Носовичу «на карандаш», показаны либо ворами и аферистами, либо людьми совершенно бесцветными. «Остановлюсь прежде всего на казаках-комиссарах. Казак Урюпинской станицы Хоперского округа Селиванов был политическим комиссаром южной группы советских войск. Алкоголик, эфироман и морфинист – Селиванов всегда производил впечатление ненормального человека. Спирт и наркотики требовали денег, их черпал Селиванов без стеснения из советского денежного сундука...

Председателем донского исполнительного комитета – донского «цика», был казак Ковалев из Донецкого округа.

Ковалев был замечателен только громадным ростом и физической силой. Он держался скромно, чувствовал свою незначительность и в спорах всегда соглашался со своим оппонентом...

После занятия добровольцами Тихорецкой донской «цик» утратил свое значение, и Ковалев остался в военной инспекции у Подвойского на ролях простого осведомителя по казачьим вопросам.

Наиболее яркой фигурой из казаков-комиссаров является Евгений Трифонов. В марте 1918 года он, ловко обойдя «наркомов», получил

у них около двадцати миллионов рублей на организацию борьбы на юге России. Понятно, деньги ушли без отчета со стороны Трифонова перед давшими их. Он организовал так называемый «центро-юг», просуществовавший до мая в Донской области, а затем перекочевавший в Царицын.

В Царицыне Трифонов пытался захватить власть в свои руки, но встретил энергичный отпор и повел интригу против северо-кавказского комиссариата, настойчиво требовавшего у него отчета в двадцати миллионах...».

Трудно сказать что-то о Селиванове. Возможно, он был именно таким, как его описал А. Л. Носович. А вот Виктор Семенович Ковалев (1883–1919), член партии с 1905 года, политкаторжанин, комиссар дивизии Миронова, сам командовавший дивизией под Царицыным в сентябре-ноябре 1918 года, умер на боевом посту от чахотки. Вот такая незадача.

Евгений Андреевич Трифонов (1885–1937), родной дядя известного писателя Юрия Трифонова, в конце гражданской войны командовал кавалерийской дивизией, был военным комиссаром Донской области. А еще он известен как писатель Е. Бражнев, автор ряда произведений о гражданской войне.

«Комиссары вообще» у А. Л. Носовича тоже люди не особо приятные. Это садист Вейсман, трус Губин – «ражий детина с копной черных волос из-под набекрень одетой матросской шапки с георгиевской лентой ужасающей длины», космополит Червов («Вы говорите – родина. Кому нужна она, этот старый хлам? Нет никакой родины. Есть всемирный интернационал. Вот что должен видеть перед собой каждый человек...»), черноморский моряк Иванов, который после расстрелов «прилично пел даже оперные отрывки...». Когорту комиссаров замыкают латыш Карл Иванович Зедин, «едва образованный настолько, чтобы подписать свою фамилию», и бывший телеграфист Бубенков – «яркий вырожденец с вечной улыбкой на лице, с растерянными, все время блуждающими глазами».

В 1919 году на Южном фронте у красных начинают привлекать внимание новые яркие образы. А. Л. Носович близко их не знает. С кем-то говорил по телефону, о ком-то просто слышал. И даваемые характеристики уже лишены прежних броских деталей.

Александр Ильич Егоров (1883–1938), командовавший 9-й и 10-й армией, а осенью 1919-го принявший Южный фронт, был охарактеризован, как «тип приспешника революции. Это тип человека, всегда держащего нос по ветру, а вместе с тем, к счастью, весьма редкий,

тип старого кадрового офицера, который, сообразно обстановке, как хамелеон, меняет свои убеждения».

С Егоровым Носович всего лишь говорил по телефону, но «весь наш разговор только и вертелся на одной лишь истерической фразе Егорова: именем революции. Во имя защиты поруганных прав всемирного пролетариата, я требую...»

«Военными талантами Егоров совершенно не блистал и то, что его произвели на должность командарма Царицынского фронта, показывает лишь то, что у большевиков совершенно нет соответствующих людей для замещения ответственных постов».

Тем не менее, А. И. Егоров достиг вершин военной карьеры, в 1935 году стал одним из первых пяти маршалов, занимал пост начальника Генштаба.

Борис Мокеевич Думенко (1888–1920) считался у большевиков «первой саблей Республики». Происхождения он был самого пролетарского, и Носовичем рассматривался как заведомый и открытый враг. Отношение к нему, как мы уже убедились на примере подобных «народных вождей», объективное и даже уважительное: «Думенко – бывший вахмистр эскадрона, состоявший всю кампанию на этой должности в одном из кавалерийских полков. Резкий, требовательный в своих отношениях к солдатам в старое время, он остался таковым и теперь... Были у него, очевидно, настойчивость и характер, а кроме того было и вахмистерское знание лошади... Кроме того, насколько мне известно, Думенко всегда умел настоять на необходимом для его части отдыхе, отнюдь им не злоупотребляя.

Думенко в среде большевистских вождей – далеко незаурядная личность, один из немногих самородных талантов, вышедших из среды простого народа, но, к глубокому сожалению, приложивших свои силы не к созиданию народного величия, а к его разрушению».

Не пройдет и года после опубликования этого очерка, и комкор Думенко будет расстрелян в Ростове по ложному обвинению в убийстве комиссара корпуса и подготовке мятежа...

Дмитрий Петрович Жлоба (1887–1938) привлек внимание Носовича тем, что со своей Стальной дивизией осенью 1918 года, прорвавшись из Ставрополя, спас Царицын от, казалось, неизбежного падения. «Жлоба таким образом является таким же самородком для пехоты, как Думенко для конницы», – сделал вывод автор очерков. «...Дивизия у Жлобы лучшая, но это тоже его заслуга, ибо какие бы изменения его дивизия ни претерпела, она оставалась всегда на высоте».

Увы, в этих очерках уже стало сказываться время. В 1919 году А. Л. Носович все реже давал верные оценки и прогнозы. Дивизия

Жлобы на самом деле была расформирована через полтора месяца после ее выхода к Царицыну, а сам Жлоба пошел служить в кавалерию, попал в корпус Думенко, умело интриговал против последнего, а когда Думенко арестовали, возглавил его корпус. Но во главе конного корпуса Д. П. Жлоба не проявил каких-либо способностей и в июне 1920 года был наголову разбит Врангелем в Таврии, причем (случай в истории небывалый) белая пехота умудрилась окружить красную конницу. После 1922 года Жлоба вообще ушел из Красной Армии.

Ну и совсем нелепо выглядит очерк «Гай», где А. Л. Носович пытается разоблачить некую несуществующую интригу – пишет, что во главе некой советской дивизии стоит женщина – «товарищ» Гай, но на самом деле за ней скрывается ее муж инженер Берзин, «вполне умный человек, хотя и весьма беспринципный».

На самом деле под псевдонимом «Гай» скрывался прапорщик Гайк Бжишкян (1887–1937), в будущем комкор, вместе с Тухачевским наступавший на Варшаву.

Больше интереса вызывает завершающая часть очерка, в которой автор обращает внимание на изменения, которые произошли в 1919 году в системе управления советскими войсками: «Насколько в начале создания красных войск их руководители из «запломбированного» вагона отрицали и отбрасывали все старые способы организации, управления и поощрения войск, настолько в настоящее время они беззастенчиво прибегают к этим же самым приемам и способам, которые так беспощадно ими критиковались, как ненужные стеснения личности. С какой последовательностью и с какой постепенностью они вводят теперь в свои войска все то, что в начале своего захвата власти они отрицали!

Красные знамена за храбрость, различные награды в виде жетонов и значков, которые у них теперь разделяются по достоинству, т. е. на значки командного и подчиненных составов, многочисленные и громадных размеров денежные награды – все это признаки того, что все их учение и все их платформы есть не что иное, как неустойчивое и теоретическое толкование, которые они отбрасывают при первом же случае, когда видят, что жизнь указывает совершенно другой путь к достижению правильных результатов. Одного лишь они никогда не отбросят это – террора, ибо им одним они держатся, им одним привлекают к себе на службу и Егоровых, и Берзиных, и Думенок, и Жлоб и тысячи других».

Странно, но и Егоров, и Думенко, и Жлоба, и все три Берзина, встречающиеся в Энциклопедии участники гражданской войны, были

расстреляны самими же большевиками. Одни (Думенко) раньше, другие – позже.

Этим очерком А. Л. Носович подводит черту под своими многочисленными рассуждениями о феномене Красной Армии. Статьи о вооруженных силах большевиков он публиковал неоднократно и все пытался понять – почему белые не могут победить красных.

Историю Красной Армии он начинает с первых месяцев 1918 года и объективно связывает ее возникновение с расформированием старой российской армии: «Старая армия перестала существовать примерно с подписания Брест-Литовского позорного мира. До этого подписания еще были уголки, где оставались призраки частей и признаки повиновения.

С этого самого момента начала существовать Красная армия, которая начала первые свои шаги приблизительно с момента взятия большевиками Киева в феврале 1918 года.

В марте этого же года красная армия начала отступление под напором немецко-украинских сил, с того времени, собственно, началась ее официальная история, с этого времени интересно проследить, как она видоизменяла свой облик».

Действительно, стихийная демобилизация старой армии началась с ноября 1917 года и завершилась к апрелю 1918 года. Декрет о создании новой Красной Армии на добровольческих началах был подписан В. И. Лениным 15 (28) января 1918 года. Но историю «побед и поражений» Красной армии А. Л. Носович начинает на примере украинских и русских красногвардейских частей, которые 26 января (8 февраля) 1918 года заняли Киев и выгнали оттуда Центральную Раду. После подписания Брестского мирного договора между Советской Россией и Германией эти отряды официально считались войсками Украинской социалистической советской республики и с оружием в руках препятствовали продвижению немцев вглубь Украины. Согласно советско-германским соглашениям, они, пересекая границу Украины и России, подлежали расформированию и интернированию, что формально и объявлялось, но в реальности вливались в Красную Армию, как это произошло с войсками героев данных очерков – Ворошилова и Киквидзе.

В то же время демобилизованные солдаты старой русской армии стали «проводниками идей» большевиков и, возвращаясь в родные места (80 % из них возвращались в сельскую местность), принимали активное участие в захвате власти и переделе собственности. В глазах противников большевиков они, естественно, выглядели анархической, разрушительной силой. И тогда же на территории терзаемой не-

виданным «переделом» России оказались своего рода чужеродные воинские контингенты, которые с целью самосохранения сплотились и поддерживали дисциплину. Это были латышские, чешские, польские части. Одни из них поддерживали ближайшую «законную власть», другие пытались вырваться из России. Так или иначе, на тот период это были наиболее боеспособные воинские формирования. Естественно, большевики пытались привлечь их на свою сторону, и лучше всего у них получилось с латышами. «Странно и обидно было видеть их гордые лица, – пишет А. Л. Носович. – Наблюдать образцовый порядок их воинских частей, в то же время замечая отвратительное безобразие в русских красноармейских частях и, будучи настроенным в противную от этих красных банд сторону, все же становилось обидно видеть, что в нашем народе так мало любви к своему порядку, к своему родному укладу. От наших можно было слышать только брань и поношение всего, что было раньше дорого и свято всем. И в то же время, тут же рядом у латышей слышать дорогие слова: Родина, честь, долг порядок и т. д. и т. д.».

На добровольческих началах развязывали гражданскую войну и красные и белые, но так продолжалось недолго. Первыми в мае 1918 года мобилизацию объявили восставшие против большевиков донские казаки и начали создание регулярной Донской армии. За ними последовали большевики, быстро разглядев все минусы «добровольчества» (их А. Л. Носович живописует в своих очерках), хотя в Красной армии на тот момент встречались добровольческие части, отличавшиеся высокой боеспособностью (отряды того же Думенко).

А. Л. Носович обратил на это самое пристальное внимание: «Объявив всему свету, что нет более армии по принуждению, что нет больше начальства, а есть только выборные “старшие – товарищи”, комиссары уже в июне месяце неуклонно проводят в жизнь обязательную воинскую повинность, полную отмену выборного начальства, дают ему полную свободу в стратегических вопросах, широко озабочиваются привлечением населения к военному образованию, открыв не только ряд военных училищ, но и приложив все старания к тому, чтобы военная академия имела полную возможность правильно функционировать».

Много писал А. Л. Носович о том, как большевики набирали из бывших офицеров командный состав для Красной Армии, и его рассуждения были интересны и объективны. Вот о рядовом ее составе он не писал...

В итоге в 1919 году, когда противостояние достигло предельного напряжения, характеристика воюющих сторон была далека от объек-

тивности. Может быть, так видел ее сам Носович, а может, верх над объективностью взяли интересы агитации и пропаганды.

С одной стороны Красная Армия, «которая стоит твердо и относительно достаточно упорно сражается за чуждые ей интересы, которые ее руководители маскируют различными большевистскими лозунгами.

Против красной с ее интернациональными частями армии стоит возрожденная старая русская армия, ставящая задачу восстановления великой России. Победа в ней не за горами...».

Увы! Крестьяне – 80 % населения страны – получили от большевиков помещичью землю... Это потом большевики доведут крестьянское общинное хозяйство до уровня колхозов и воссоздадут современный вариант крепостного права, а во время гражданской войны они с крестьянами заигрывали. И крестьяне, хотя и восставали местами против продразверстки, но в большевиках, в бедноте и люмпенах, олицетворявших власть в деревне, видели «своих». А в «образованном классе», в «общественности», крестьяне, начиная чуть ли не с Петра I, видели иностранцев, людей чуждых, заведомо враждебных. И когда войска Деникина и Колчака подходили к Центральной России, к губерниям, где некогда существовали крепостное право и помещичье землевладение, они сразу же начинали терпеть поражение. Крестьяне были против них. Благодаря позиции крестьян, большевики (из них же) к концу 1918 года имели миллионную армию, а к концу 1919-го трехмиллионную. Из этих трех миллионов девятьсот шестьдесят тысяч числилось дезертирами, но и оставшиеся два миллиона это все же больше, чем двести тысяч в войсках Деникина. Естественно, были у большевиков и интернациональные части, составляли они примерно 250 тысяч бойцов, то есть, количественно равнялись всем белым силам Юга России.

А вот что касается «возрожденной старой русской армии», то тут явное преувеличение. Возродить удалось несколько полков со старыми названиями, старыми офицерами и старыми знаменами, но с новым мобилизованным ставропольским и южноукраинским контингентом. Основоположники белого движения, создавшие новые «цветные» полки, корниловцы, марковцы, дроздовцы и алексеевцы, отнюдь не всегда приветствовали возрождение старых традиционных воинских частей. Да и с казаками у них были трения...

В итоге – «простая, как апельсин», правда гражданской войны: красные разбили белых и безжалостно уничтожили их остатки.

Что касается представленных очерков, то они обстоятельны, живописны, передают дух времени и даже создают некий эффект присутст-

вия. Чтение их доставит удовольствие любому, кто интересуется историей гражданской войны в России и историей вообще.

А. В. Венков

---

1. КРАСНЫЙ ЦАРИЦЫН

СТАЛИН

В Царицын я прибыл в конце мая месяца нового стиля с секретной миссией, о которой сейчас не время говорить, но, благодаря которой, я имел возможность проникнуть во все тайники царицынского управления и мог не только наблюдать всю жизнь «красного» Царицына, но и сам мог влиять в желательную для нас сторону. По моем приезде в Царицын первыми фигурами, с которыми мне пришлось встретиться были: Сергей Константинович Минин¹ и Яков Зиновьевич Ерман².

С. К. Минин – сын протоиерея посада Дубовки, местный деятель. В 1905 году отец его громил революционеров с амвона, а сын громил власти и своего отца на площади против церкви. В 1905 году победил отец – теперь взял верх сын. Но, взявши верх, сын не остановился, и покатился далее по наклонной плоскости революции и стал ярым большевиком».

Я. З. Ерман – не абориген Царицына был вольноопределяющимся в царицынском запасном полку, остался в Царицыне, выдвинулся на митингах и занял видный пост в совдепе Царицына. Ерман был ярим большевиком и, если Митин, как местный старожил, еще имел некоторый сдерживающий импульс в виде остатков своих местных связей, то Ерман, ничем не сдерживаемый, свирепствовал.

Мой приезд совпал с большими переменами в местной жизни. Из Москвы прислали новых лиц, новое управление всем Кавказом, а вместе с тем и Царицынским уездом. Такое положение вещей чрезвычайно не понравилось местным вождям но главе с Мининым и Ерманом, но необходимость получать денежные знаки и военные припасы заставила их видимо примириться с новыми хозяевами. Примирившись, они начали вести глубокую интригу против присланных из центра белогвардейцев, причислив к их числу не только всех вольнонаемных бывших офицеров или чиновников, но даже и комиссаров.

Помню на первом же заседании объединенного управления округа с представителями от города, Минин гордо произнес речь, в которой резко подчеркнул:

– Мы – представители «красного» Царицына, с гордостью говорили, что во все трудные минуты нашего революционного города, нашего «красного» Царицына, мы никогда не опускали нашего революционного знамени и никогда не будем идти на помочах центра. Мы нуждаемся в Москве постольку, поскольку и она нуждается в нас. Помощь ее нам нужна и необходима, но пусть она не думает, что за эту помощь мы пойдем в рабство. Власть на местах вот наш главный и руководящий принцип³. В те трудные времена, когда генерал Каледин послал на нас свои полчища, «красный» Царицын сумел отстоять себя; он, я уверен, сумеет отстоять свою независимость и от всяких других поползновений.

До половины июня жизнь была сносна и цены, а также обилие продуктов не заставляло жаловаться на судьбу. Но приезд народного комиссара по продовольствию Сталина-Джугашвили*), начавшего производить всевозможного рода реквизиции, поднял не только цены, привел к исчезновению товаров, но и усложнил политическую жизнь города.

Сталин не стесняется в выборе путей для достижения своих целей. Хитрый, умный, образованный и чрезвычайно изворотливый – он – злой гений Царицына и его обитателей. Всевозможные реквизиции, выселения из квартир, обыски, сопровождающиеся беззастенчивым грабежом, аресты и прочие насилия над мирными гражданами стали обычным явлением в жизни Царицына.

Главное назначение Сталина было снабжение продовольствием северных губерний и для выполнения этой задачи он обладал неограниченными полномочиями и таким же кредитом. Кроме того, положение Сталина в рядах так называемых народных комиссаров, весьма почетно, и он пользуется в «совнарком» большим весом. Все это вместе взятое позволило Сталину при его появлении в Царицыне сразу стать персоной, с которой вынуждены были считаться все: как местные власти, так и военный комиссариат кавказского округа т. е. главным образом его комиссары латыш Зедин⁴ и казак Урюпинской станицы Селиванов, а после, заменивший его Анисимов, находящийся ныне в такой же должности в Астрахани. Сталин сразу поставил себя как бы в стороне

*) *Примеч. Редакции (ДВ).* Сталин Джугашвили в системе народных комиссаров – фигура крупная. Это можно заключить из того, что делегация от третьего круга, ездившая в декабре 1917 года в Петроград была принята не Лениным, а Сталиным, облеченным для беседы всеми полномочиями. Назначение Сталина в Царицын свидетельствует о том, какое значение придает красная Москва Царицыну.

от внутренних и оперативных дел Северного Кавказа, но на самом деле, все комиссары, как округа, так и города не предпринимали ни одного решения без одобрения этого важного наркома».

Немедленно после его приезда началась мобилизация буржуев на окопные работы в окрестностях города. Мобилизация проводилась с большими несправедливостями. Все уважаемые люди города быки взяты на работы. Жизнь в городе стала пыткой.

Между тем, к концу июля положение Царицына и южных большевистских армий стало очень тяжелым⁵.

Линия Грязи-Царицын оказалась окончательно перерезанной. На севере осталась лишь одна возможность получать припасы и поддерживать связь – это Волга. На юге, после занятия добровольцами Тихорецкой, положение стало тоже весьма шатким. А для Сталина, черпающего свои запасы исключительно из Ставропольской губернии, такое положение граничило с окончанием его миссии на юге. Но не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, уходить от раз начатого им дела. Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой, из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим.

Постепенно, по мере того, как он оставался без дела, вернее, попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин начал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына в частности и всего кавказского, так называемого, революционного фронта вообще.

Сталин, благодаря своему положению, конечно, имел много преимуществ против присланного от центра же военного комиссариата и штаба округа, а потому борьба его и этих учреждений не предвещала для последних ничего хорошего. Но, тем не менее, борьба началась.

К этому времени в Царицыне вообще атмосфера сгустилась. Царицынская чрезвычайка работала полным темпом. Не проходило дня без того, чтобы в самых казалось, надежных и потайных местах не открывались бы различные заговоры настоящие или мнимые. Все тюрьмы города переполнялись.

Борьба на фронте достигла крайнего напряжения, а вместе с этим крайнего напряжения достигло и недоверие местных вождей к управлению краем, присланному из центра.

Главным двигателем и главным вершителем всего с 20 июля н. ст. оказался Сталин. Простой переговор по прямому проводу с Троцким⁶ о неудобстве и несоответствии для дела настоящего устройства управления краем привел к тому, что по прямому проводу же Троцкий отдал приказ, которым Сталин ставился во главе всего военного,

а в конце концов захватным путем он стал и во главе всего гражданского управления.

Итак, с 20 июля Царицын, а вместе с ним и весь Северный Кавказ перешел в ведение ничем не ограниченного сатрапа Сталина-Джугашвили.

К этому времени и местная контр-революционная организация, стоящая на платформе Учредительного Собрания значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына.

К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации, инженер Алексеев и его два сына, были мало знакомы с настоящей обстановкой, и, благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, быстро оказалась раскрытой. Многие из знающих настроение этих сербских выходцев, предупреждали Алексеева о ненадежности данного элемента.

Но Алексеев не послушался, попался в руки ловкого шпиона, в лице помощника коменданта города, который прикинулся контр-революционно настроенным, заслужил доверие и выдал всех, а также выдал место, где были спрятаны деньги организации в количестве 9 миллионов.

Резолюция Сталина была короткая: расстрелять. Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно без всякого суда расстреляны.

Незадолго до раскрытия этого заговора Сталин совершенно покончил с военным комиссариатом и штабом округа⁷. 5 августа по его приказанию все артиллерийское управление с о всеми письмоводителями и самыми мелкими служащими было арестовано и заключено первоначально под стражу при чрезвычайке, а некоторое время спустя было посажено на баржу, которую поместили на середине Волги. В то же самое время по его приказу управление штаба северо-кавказского округа ликвидировалось, а 10 августа все ответственные чины штаба тоже были арестованы и заключены под стражу. Причины ареста были те же: подозрения в контр-революционной работе. Начался форменный разгром всех учреждений, присланных из центра.

Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округом, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат

на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначущую надпись на телеграмме:

– Не принимать во внимание.

Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне.

Открытие заговора инженера Алексеева произошло в ночь с 13 на 14 августа н. ст. В это время казаки подошли к Царицыну почти вплотную. В самом Царицыне господствовало угнетенное настроение.

В среде рабочих особенно лесных пристаней, так называемого «грузолеса», и французского завода господствовало противобольшевистское настроение.

Царицын, казалось, был накануне своего падения.

Но обстановка и стечение случайностей были на стороне большевиков. Отчасти причиной к этому послужило и открытие заговора Алексеева. Прежде всего, это раскрытие в корне пресекло всякую возможность активной помощи казаков, и разбило не только указанную организацию, но и всякие другие попытки к таковым. А главным образом дало Сталину в руки мотив, при помощи которого он сумел уговорить рабочих стать под ружье.

Сталин в своих уговорах рабочих опирался на то, что буржуазия, при помощи вышеуказанных заговоров, вновь хочет взять верх.

Главным образом поднялись рабочие «грузолеса» и выставили значительные силы против казаков.

Кроме того, это раскрытие самым сильным образом отозвалось на местной «буржуазии». Самые видные лица из местного купечества и аристократии тоже попали на баржу в условия, в которых едва ли когда-либо и где-либо содержались самые закоренелые преступники. Между прочим, в число этих заложников были взяты местные купцы братья Репниковы, очень популярные в городе благодаря своему либерализму. Популярность Репниковых была столь велика, что когда разнесся слух, что старший брат Репников умер на барже, то с настроением даже столь подавленного террором города пришлось посчитаться и смягчить положение младшего Репникова.

На случай взятия города казаками баржи с заложниками и арестованным офицерством были приготовлены к взрыву и потоплению.

Настроение в городе было настолько подавленное, что никто не смел говорить о положении вещей. Всюду были сыщики и шпионы, так называемые в совдепии «осведомители». Попасть на баржу стало самым легким делом, но выбраться из нее можно было лишь на дно Волги-матушки. В это же самое время на баржу попал и французский консул г. Шарбо, по обвинению в сношении с контр-революционерами

и содействии им. Американский консул и сербский полковник Христич, член военной миссии, кажется, спаслись от баржи спешным бегством.

Вот как начал расправляться Сталин с тем элементом, который казался ему подозрительным.

Положение и режим содержания на баржах был ужасный. Каждый буржуй, который мог кормиться из дому, должен был кормить пяти-рых несостоятельных арестантов, а каждый офицер троих. У многих не оказалось средств на такие расходы: тогда арестованный лишался возможности питаться совершенно и приговаривался к голодной смерти. У катера, который отвозил им пищу, каждый день были душу раздирающие сцены. Приезжающие за пищей глумились, опрокидывали тарелки, выкидывали содержимое, ругали площадной бранью женщин и детей. Но самым ужасным зрелищем было зрелище перевода с баржи заключенного в тюрьму. – Это означало...

Утренний расстрел.

Вот в каких условиях жизни царицынцы ожидали в августе месяце своего освобождения.

Увы, это освобождение не пришло...

Очевидцы, удравшие из самой пасти управления большевиками Царицына, рассказывают, что в ночь с 17 на 18 августа н. ст. паника в среди большевистского управления войсками достигла высшего напряжения. По бывшему штабу округа, ставшему штабом Сталина, Минина и Ворошилова⁸, бегали растерянные «красные», стратеги кто с чем. Никто не знал, что предпринять. Минин был за эвакуацию и сдачу Царицына. Только Сталин еще крепился и надеялся на агитацию в рядах наступающих казаков. Но тем не менее все было погружено на пароходы и в каждый данный момент все те, кто разграбил, разорил и будет продолжать свое злое дело разрушения нашей родины, собирались улизнуть от правосудия.

Сталин крепко надеялся на агитацию. Он частенько поговаривал в спорах о военном искусстве: «Это все хорошо, что все говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной агитацией солдата, то, поверьте, он ничего не сможет сделать с самым ничтожным по количеству, но воодушевленным революционером».

И Сталин, сообразно своему убеждению, не жалел никаких средств на пропаганду, на издание газет, на их распространение, на посылку агитаторов...

Наступление казаков кончилось... Рабочие грузолеса, воодушевленные агитаторами, выступили на фронт, и... многострадальный «красный» Царицын еще до сих пор продолжает сохранять это печальное название...

ЕРМАН, МИНИН, ТУЛАК И ВОРОШИЛОВ

Конец мая нового стиля. Наш специальный поезд, прибывший из Москвы, поставлен в тупик и до приискания помещений придется жить в вагонах.

Мы пошли знакомиться с городом. Приятное зрелище для только что изголодавшегося москвича. Горы хлеба, горы мяса, колбасы... Базар завален предметами довольствия, о которых в Москве позволительно только мечтать. Город оказался наполненным людьми в защитных одеждах. Вид самый боевой. В разных направлениях шныряют автомобили, поднимая тучи пыли.

Мы решили идти на Волгу. Посмотреть на ее ширь. В этот период Волга под Царицыном производит чарующее впечатление... Свыше двух верст шириною, без единой отмели, гордо катит она свои быстрые воды. Поражает только почти полное отсутствие движения. Через несколько дней, когда я поселился у местного городского деятеля и старожила, я узнал, что эта безжизненность Волги есть результат большевистского владычества и их способа управления водным транспортом.

Да и не одна Волга являла печальную картину разрухи и застоя. Вся торговля, некогда бившая ключом, замерла и одни только базары жизненных припасов, казалось, продолжали свою прежнюю деятельность.

Более длительное знакомство с городом показало, что большевизм еще не в полной мере обрушился на головы его обывателей: видны были приличные чистенькие квартирки, по бульварам прогуливался обыватель, еще не до смерти перепуганный, одним словом, внешние признаки городской жизни давали знать, что если жизнь течет не особенно нормально, все же обыватель дышит достаточно спокойно.

Итак, кроме значительного числа красноармейцев, крайне неряшливо одетых и без толку шатающихся по городу, Царицын в конце концов являл довольно мирную картину... Трамваи энергично катились, электричество ярко светило, водопровод давал воду, люди... а люди, как всегда были заняты своими повседневными вопросами и злобами.

После знакомства с городом пришлось знакомиться с вершителями его судеб.

Яков Зиновьевич Ерман – личность менее заметная, нежели Минин, но он скорее всех сошел со сцены, а потому будет удобнее разобрать его деятельность ранее других.

Он пришелец для Царицына. Его карьера началась с появлением большевизма. Он один из первых организовывал сопротивление наступлению каких бы то ни было врагов большевизма в городе.

Ерман начал свою карьеру на ораторской трибуне, где проявил недюжинные способности.

В конце мая и до начала июля, когда выстрел в затылок одного из его политических врагов прекратил его жизнь, Ерман занимал почти одинаковое по влиянию положение с Мининым.

В описываемый период эти два лица редко выступали совместно. Обыкновенно, когда один из них был в городе, другой находился в поездке и главным образом в Москве, где они оба были на особо хорошем счету в «совнарком».

Ерман, как я уже говорил в первой главе, был тип настоящего большевика и считался патентованным другом рабочих. Это, однако, не помешало ему, когда он затеял в середине июня, в виду прорыва казаками линии Грязи-Царицынской ж. д., мобилизацию рабочих французских заводов, отнестись к ним самым критическим и суровым образом, как только он увидел, что рабочие не особенно настроены беспрекословно выполнять его приказы, а симпатизируют эс-эрам и тогда Ерман при помощи самых радикальных и провокаторских игр совершенно разоружил их организации и во все дальнейшее время относился к ним с большим предубеждением.

Будучи совсем молодым человеком, 25–26-ти лет, обладая завидной энергией, Ерман оказывал большое влияние на все дела Царицына и был действительно одним из столпов большевизма в городе.

Все репрессивные меры, до прибытия Сталина, всегда исходили от Ерманова, и «буржуазия», а вместе с ней и все те, кто имел несчастье подходить под термин контр-революционера, испытали не раз на себе силу Ерманова.

По настоящему положению Ерман считался военным комиссаром Царицына, но в этой области, кроме нескольких неудачных попыток устройства мобилизации на чисто новых началах «Красной армии», его деятельность дальше не пошла.

Смерть свою он нашел на одном из рабочих митингов, где его высокомерное обращение с рабочими-грузчиками вызвало недоразумение, во время которого кто-то выстрелом в затылок убил Ерманова.

Тело убитого Царицынского трибуна прибыло на траурном пароходе. В день похорон все магазины и правительственные учреждения были закрыты. С парохода было взято на особый катафалк и в течение свыше двух часов возилось по всем улицам города. Но самым исключительным образом вылилось внимание почитателей в том, что

все венки, находящиеся в городе, были реквизированы, а когда для желающих таковых не хватило, то они, не задумываясь, отправились на кладбище и обобрали все венки с буржуазных могил, не стесняясь, украсили ими гроб и могилу, часто не сорвав старых лент.

В момент опускания тела в приготовленный для него склеп, в городе поднялась такая пулеметная и пачками стрельба, что свыше четверти часа стоял неумолчный гул от выстрелов. Между тем, на Волге по данному сигналу все пароходы принялись давать самые разнообразные и часто столь заунывные свистки, что казалось тысячи диких громадных животных ревели и выли в бессильной простой злобе. Ерман не стало. Пылкий трибун, достаточно яркий оратор, игравший значительную роль в жизни «красного Царицына», сошел со сцены.

Со смертью Ерман в Царицыне из местных сил остался один *Минин*. Все остальные не могли играть большой роли: одни по их уму, а другие, большая часть которых принадлежала к числу левых эс-эров, по тому недоверию, которое им оказывали большевики.

Минин, оставшись без своего помощника и отчасти без соперника по популярности и энергии не оправдал возлагавшихся на него надежд революционного царицынского элемента и в дальнейшем той роли, которую предсказывали и ожидали от него его почитатели.

Главной причиной этой в нем перемены было появление Сталина, борьба с которым была Минину не по плечу.

Сколько раз приходилось, говоря с Мининим в надежде повернуть вопрос в желательную сторону, чувствовать, что сам Минин на стороне предлагаемого решения вопроса, и сталкиваться с тем, что Минин с раздражением отзывался о Сталине, о его способе обращения с остальными членами тройки военно-революционного совета и невозможности для него, Минина, идти против всемогущего наркома.

Тем не менее, надо отдать справедливость Минину, что его работоспособность очень большого масштаба. Сколько раз приходилось наблюдать его за работой почти круглые сутки. Для него просидеть восемь-десять часов на коллегиальном решении какого-нибудь вопроса и немедленно отправиться на фронт или заняться чисто городскими делами, которых он не покинул, не представляло видимой трудности. Кроме того, безусловно нельзя не отдать ему должного, что он несомненно по природе очень умный, решительный и гибкий человек.

Для царицынцев он хорош еще и тем, что как местный деятель, все-таки, так или иначе, но служит смягчающим элементом в конфликтах между властью большевиков и интересами населения, а также, что ясно из его местных интересов в большем масштабе, и потому

он пользуется сравнительно большой популярностью и до появления Сталина безусловно был самой выдающейся фигурой в Царицыне.

Включение Царицына в Северо-Кавказский округ позволило Минину выйти на широкую арену областной деятельности и вот, вероятно, недостаток кругозора бывшего семинариста и стал причиной того, что Минин утерял свой вес и не мог справиться с выпавшей на его долю задачей.

Те или другие причины виновны, но Минин перестал играть выдающуюся роль. Ерман, Минин представляют собой, так сказать, гражданское управление Северного Кавказа. Приведенные типы были бы не полны. Дополняли военные деятели, на которых также следует остановиться.

В июне и июле месяце таким военным деятелем являлся бывший унтер-офицер лейб-гвардии драгунского полка, «товарищ» Тулак. Этот «самородок-стратег» держал в повиновении весь царицынский округ и расправлялся с негодными для него элементами самым решительным и беспощадным образом. Царицыну не раз грозила опасность стать жертвой различных возвращающихся с фронта шаек, которые часто достигали внушительных размеров. Но Тулак, своеобразно понимая тактику и стратегию, тем не менее, всякий раз удачно справлялся с непрошенными гостями и спасал Царицын. В личной храбрости и военном глазомере ему отказать нельзя и поэтому его популярность была значительна. Главной ареной его деятельности был фронт, начиная от станции Лог и кончая станцией Ремонтная. Способ управления был простой. Там, где было плохо, Тулак ехал лично и увлекал за собой отступающих красноармейцев. Но, что хорошо было ранней весной, то во время наступления значительных казачьих сил стало плохо, и на его месте появился недюжинный самородок – Ворошилов.

Ворошилов – бывший слесарь, выдвинувшийся благодаря революции и полной разрухе, в так называемых армиях южного Главковерха Антонова-Овсеенко¹, которые отступали, теснимые немцами. Там он получает назначение командующего 3-й армией. После разгрома большевиков под Ростовом и Новочеркасском² он объединяет под своей командой остатки своей третьей, первой армий, Морозовской и Донской революционных дивизий и ставит себе задачей пробиться к Царицыну, месту рождения всех остатков большевистских сил. Под станцией Морозовской его войска были окружены казаками со всех сторон, но благодаря его энергии и помощи Сталина он пробивается к Дону, восстанавливает связь с Царицыным, восстанавливает железнодорожный мост и, наконец, соединяется с царицынским гарнизоном, приведя ему свыше 15-ти тысяч штыков и многочисленные запасы,

награбленные в Ростове, Новочеркасске и в станицах по пути. Эти заслуги, а вместе с тем ясный ум, здравые военные рассуждения сделали то, что Ворошилов, через самое короткое время занимает выдающийся пост в военном командовании не только Царицына, но и в большем масштабе, попадая в тройку военно-революционного Совета Северо-Кавказского округа, а вместе с тем на должность командующего 10-й армией южного фронта.

Надо отдать справедливость Ворошилову, что если он не стратег в общепринятом смысле этого слова, то во всяком случае ему нельзя отказать в способности к упорному сопротивлению и, так сказать, к ударной тактике.

Между прочим, учитывая способности в военном командовании наших противников, необходимо ввести весьма существенную поправку на ту трудность, которую она встречают в смысле отсутствия повиновения в подчиненных им войсках и несмотря на отмену, продолжающийся митинговый способ выполнения приказаний.

Из остальных типов Царицына интересен тип левого эс-эра Федотова. Минин после московского восстания эс-эров шутил представлял Федотова: «единственный надежный левый эс-эр, и действительно Федотов был единственный человек в городе. Он был всегда справедлив, ровен и каждый данный момент, не думая о грозившей ему опасности, был готов заступиться за каждого несправедливо арестованного или обвиненного. Но главная заслуга его состояла в том, что он всеми силами старался умерять дикий разгул большевиков и смягчать их огульные репрессивные меры.

Вот среди каких типов и в каких условиях протекала жизнь царицынцев летом 1918-го года.

Среди этих же типов, но близко с ним соприкасаясь, работая совместно с ними, но против них: на так называемый активный саботаж, на перемешивание их карт, находилась одинокая, почти отрезанная от своих, группа контр-революционеров.

Тяжелая и мало заметная работа выпала на их долю. Многие из них не раз побывали в открытом бою против врага и в самые жестокие моменты боя, в самые опасные рискованные минуты атак на неприступные позиции не испытывали таких жутких минут и такого нервного потрясения, как им довелось испытать во время исполнения ими этой задачи. Не преувеличивая можно сказать, что все время, проведенное среди большевиков, есть балансирование между стенкой для расстрела и веревкой для повешения.

НОЕВ КОВЧЕГ

Вожди советской республики, «наркомы» и «главковерхи», в комиссариатах и штабах – это Ноев ковчег, где очень мало чистых и бесконечное число нечистых. О видных руководителях советской республики, на обязанности которых лежит «кидать толпе лозунги», как говорят в Совдепии, мне уже не раз приходилось писать в «Донской Волне».

Теперь мне хочется рассказать о тех комиссарах, которые делают советскую погоду на местах и занимают более или менее заметные посты на юге России, направляя удары на Дон и Кубань.

Остановлюсь прежде всего на казаках-комиссарах. Казак Урюпинской станицы Хоперского округа Селиванов был политическим комиссаром южной группы советских войск. Алкоголик, эфироман и морфинист – Селиванов всегда производил впечатление ненормального человека. Спирт и наркотика требовали денег, их черпал Селиванов без стеснения из советского денежного сундука. На обязанности политического комиссара лежит надзор за административным аппаратом армии и к военным делам он отношения иметь не должен.

Но Селиванов ожидал бранной славы. В конце мая прошлого года казаки подошли к Урюпинской станице. Селиванов заявил о своем желании отстоять «родную» станицу. Взял сто тысяч рублей на организацию обороны станицы, забросил за спину винтовку, запасся у доктора эфиром и уехал из Царицына к Урюпинской. И только недели через две после взятия казаками Урюпинской Селиванов¹, вернулся в Царицын, развязно повествовал о своих подвигах, но отчета в израсходовании ста тысяч дать не мог, как не мог и объяснить, где он провел две недели после проигранных сражений около «родной» станицы.

Отчет у него требовали, но Селиванов пил, нюхал эфир и безобразничал. Значительно позже выяснилось, что в Урюпинскую станицу Селиванов ездил для эвакуации своей семьи в Борисоглебск, где и пропьянствовал эти две недели.

После такого «конфуза» Селиванов взял еще несколько десятков тысяч рублей и с ними укатил в Москву. В Москве его приласкали в совнарком, и там он и доныне благоденствует.

Председателем донского исполнительного комитета – донского «цика», был казак Ковалев² из Донецкого округа.

Ковалев был замечателен только громадным ростом и физической силой. Он держался скромно, чувствовал свою незначительность и в спорах всегда соглашался со своим оппонентом.

К власти его призвал съезд советов Донской советской республики³, бывший в Ростове в марте 1918 года. На съезде Ковалев произнес юмористическую речь о «зверствах» партизан, иллюстрируя ее таким примером:

– Забрались партизаны в дом и руками брали из банки варенье.

Этот же Ковалев ездил к германскому генералу фон-Арниму заключать мир от имени Дона с Германией.

После занятия добровольцами Тихорецкой донской «цик» утратил свое значение, и Ковалев остался в военной инспекции у Подвойского⁴ на ролях простого осведомителя по казачьим вопросам.

Наиболее яркой фигурой из казаков-комиссаров является Евгений Трифонов⁵. В марте 1918 года он, ловко обойдя «наркомов», получил у них около двадцати миллионов рублей на организацию борьбы на юге России. Понятно, деньги ушли без отчета со стороны Трифонова перед давшими их. Он организовал так называемый «центро-юг», просуществовавший до мая в Донской области, а затем перекочевавший в Царицын.

В Царицыне Трифонов пытался захватить власть в свои руки, но встретил энергичный отпор и повел интригу против северо-кавказского комиссариата, настойчиво требовавшего у него отчета в двадцати миллионах.

Неудача в Царицыне не сломила энергии и жажды власти в Трифонове, и он выехал к Подвойскому с новым проектом.

Трифонов решил создать в противовес большому войсковому кругу, пользовавшемуся авторитетом на Дону, походный войсковой круг при советских войсках. Попутно себя Трифонов выдвигал в председатели такого круга. Подвойский мечтал о победном шествии по улицам Новочеркасска, ему проект Трифонова понравился и стал заботиться о проведении его в жизнь.

Но к октябрю Дон был свободен от большевиков и необходимость такого круга стала под вопросом. А открытие круга должно было быть торжественным в присутствии самого Подвойского и других красных «генералов». Вторая неудача не остановила Трифонова, и в октябре он берется за организацию всей контр-разведки на юге России, разгоняет бывшую контр-разведку и прочно оседает на новом месте.

Вероятно теперь, когда красные снова на Дону, Трифонов играет не малую роль и, быть может, воскрешает свой проект походного войскового круга. Тем более, что этот проект встречал в советских кругах большой интерес, как ловкий маневр к завоеванию казачьих умов.

* * *

От казаков-комиссаров перейдем к комиссарам вообще.

Очаровывал даже арестованных помощник комиссара по обороне юга России Вейсман.

Но горе было тому, кто попадался в мягкие лапы «помощника спасателя юга России; чем ближе попавшийся знакомился с порядками группы «комиссара Вейсмана», тем меньше оставалось у него надежды и шансов на спасение его жизни и тем яснее он видел, что не только юг России, но и она вся не выдержит стараний такого «спасателя».

Главной задачей Вейсмана было выпытывать пойманного или задержанного подозрительного человека. И в этом деле, как потом пришлось убедиться, он соперников не имел. Придти к человеку, заочно приговоренному к расстрелу, убедить его, что он сейчас будет выпущен на свободу, добиться от него или не добиться своей цели, безразлично, но тут же вывести его к... стенке – это для Вейсмана было наслаждением, которого он не уступал никому.

В то время тактика вождей красной гвардии заключалась в занятии всех более или менее важных центров и разбойном в них поведении. Причем, как правило: старшим комиссаром занятого центра никогда не назначался местный житель.

Так, например, в городе Лебедине в это время свирепствовал комиссар Губин. Кто он и откуда было покрыто мраком неизвестности для горожан.

Ражий детина с копной черных волос из-под набекрень одетой матросской шапки с георгиевской лентой ужасающей длины. Матросская шапка и прочий грим, под матроса, были пущены для страха и почтения обывательского. Вооружен Губин был с ног до головы: маузер и шашка болтались с боков, короткий русский карабин плотно прилегал к спине, а в правой руке комиссара на коротком ремешке висел браунинг. Арсенал дополняла внушительных размеров нагайка. Четыреста человек красногвардейцев, которыми командовал Губин, носили громкое название «армии».

Утром пятого марта 1918 года жители Лебедина, выведенные из терпения поборами и насилиями Губина и его «армии», услышав, что в 25-ти верстах появились группы гайдамаков, подняли восстание. Восстание было совершенно не организовано и потому в первый же день потерпело неудачу. Тем не менее Губин и весь его штаб были взволнованы и решили принять особенные меры охраны.

Сам командующий расставлял посты охраны и непосредственно записывал старших на постах. В воздухе стояла неумолчная брань командующего: – Товарищи, кто уйдет с поста, того немедленно рас-

стреляю. Сам убью, на месте, как собаку!.. Кто старшие? Подходи, расписывайся!..

Расстановка постов продолжалась очень долго и в течение всего времени Губин сыпал ругательствами, подкрепляя их для большей убедительности выразительными жестами правой руки, на которой болтался привязанный браунинг. Нагайка тоже не оставалась в бездействии и, несмотря на полнейшую свободу в обращении подчиненных со своим комиссаром и их частый глухой ропот, она частенько прохаживалась по спинам неповоротливых «товарищей».

Одному из арестованных Вейсманом удалось избежать смерти, чтобы попасть в лапы Губина. Были основательно очищены карманы, хотя и при непременно заверении, что все будет возвращено полностью. Понятно заверения остались только словами...

Много месяцев спустя, тому же удачливому «контр-революционеру» посчастливилось обмануть красных и даже занять у них видный пост.

Губин оказался у него отчасти в подчиненном положении.

Испытавший в марте прелести губинского обыска и потерявший во время его очень хорошие часы, узнав Губина и будучи им тоже узнан, решил испытать память комиссара.

– Товарищ-комиссар, будьте любезны сказать, который час? У вас, кажется, очень хорошие и верные часы?

– Не у меня, ей Богу, не у меня, – заторопился с оправданием Губин. Я сдал ваши часы в Харькове. Они, вероятно, там и пропали.

В конце марта один из контр-революционеров, по понятиям большевиков, отсидев положенное количество тюремного заключения и испытав на себе все прелести вывода «к стенке» и тому подобных современных удовольствий, случайно познакомился с комиссаром по эвакуации военных грузов Червовым.

Родом он из Сибири. Прибыв в Москву на какой-то большевистский съезд, он был оставлен при Подвойском, звезда которого только начинала тогда всходить. Сидели на вокзале в ожидании отправления поезда в Москву и мирно беседовали на злободневные темы.

– Но как вы попали из Киева в Харьков? – спросил комиссар только что счастливо избежавшего расстрела и выпущенного из тюрьмы «белогвардейца».

Спрошенный рассказал довольно подробно все свои мытарства. На глазах комиссара Червова он увидел неподдельные слезы сочувствия и соболезнования.

– Боже, сколько вам пришлось выстрадать, перенести и все это за что?

– Как за что? А идея величия Родины? А любовь к ней? А долг служения во имя ее славы?

Червов мгновенно преобразился. Куда девалось его сочувствие к страданиям, только что перенесенным говорящим. Глаза его высохли и зажглись недобрым огоньком.

– Вы говорите – родина. Кому нужна она, этот старый хлам. Нет никакой родины. Есть всемирный интернационал. Вот что должен видеть перед собой каждый человек...

Долго еще шли разговоры на эту тему, окончившиеся

Долго еще шли разговоры на эту тему, окончившиеся довольно неожиданным заключением Червова. Смысл его заключения был довольно ясен:

– Жаль, жаль, что вас не расстреляли, а то вы, вызвав у меня сострадание, только напрасно расстроили мне нервы, а мне это вредно.

Еще один.

Его задача состояла в мелких боевых командованиях. Кроме того на его плечах, лежала забота непосредственного охранения всякого рода и достоинства штабов тогдашних многочисленных командующих и главковерхов. Это комиссар Иванов, бывший моряк Черноморского флота, так приблизительно в чине прапорщика.

– Эй, товарищи, поднимайся. Сейчас шесть человек могилу копать, да винтовки взять, жлоба закопать надо. (Жлобом на юге в это время красногвардейцы звали всякого подозрительного человека).

«Эй-эй, хлопцы, там четыре в кожаных куртках, (при штабе было таких четверо головорезов,) вали живей, тут есть, кого порешить надо», – кричал своим подчиненным Иванов.

И хлопцы быстро валили, вскинув да плечи винтовки. Через короткое время раздавались выстрелы... Хлопцы приводили в исполнение приговор. А вслед за выстрелами раздавался звучный баритон комиссара Иванова, который прилично пел даже оперные отрывки...

– Онегин, я скрывать не стану, – напевал он после залпа хлопцев.

Описанные комиссары принадлежат к более низкой группе работающих на месте, так называемых местных выборных, но конечно их никто и никогда не выбирает, а они назначаются от партии коммунистов.

В Москве в самом скором времени пришлось встретиться с более высокой группой, она являлась контролирующим элементом действий только что разобранных типов, а вместе с тем и задающей тон всему советскому направлению в каждом округе.

Латыш Карл Иванович Зедин, бывший моряк Черноморского флота был назначен в первых числах мая нового стиля старшим комиссаром северо-кавказского военного округа.

Едва образованный настолько, чтобы подписать свою фамилию, человек, который не мог сам составить, или понять составленную другим деловую бумагу, был призван вершить судьбой громадного округа, состоявшего из всех областей Кавказа плюс область Войска Донского, (частью занятой тогда большевиками), Бакинской, Ставропольской Астраханской губернии и Царицынским уездом.

Первое впечатление, которое произвел Зедин было очень комичное. Только что получив столь ответственное назначение, он не являлся несколько дней, так как вздумал писать проект всеобщей национализации пароходных предприятий в России, и первоначально его излюбленной темой была эта национализация. Но, несмотря на большое старание понять из его проекта сущность реформы, должествующей обогатить Россию и принести неисчислимые выгоды ее транзиту, в голове оставалось лишь одно.

— Вы видите вывески: такое-то пароходство, такое-то...

Все долой и будет одна вывеска: ««Национальное пароходство». Каждый, кто хочет, берет билет в какой хочет кассе и на каком хочет пароходе, в которых не будет никаких разделений на классы. Видите, как это все просто. Только у меня сегодня болит голова, потому что я в эти три ночи написал мой проект и это очень утомительно.

Характера Зедин был решительного и в способах управления, до появления в Царицыне Сталина, мало отличался от сатрапов всех времен и разных государств. Он решительно расправлялся с каждым комиссаром, который осмеливался идти против его мнения. Он разогнал старую политическую организацию, так называемого, Центро-Юга, в котором главой был донской казак Трифонов. Но, по приезде Сталина, Зедин взял неверный тон лести в глаза и одновременно, начал скрытую закулисную борьбу, в которой, по своей ограниченности и упрямству, он заранее был обречен на неудачу и Сталин его быстро съел. Зедин получил другое низшее назначение.

Чтобы окончательно дополнить этот тип комиссаров надо упомянуть в нескольких словах о комиссаре из бывших телеграфистов Бубенкове. Яркий вырожденец с вечной улыбкой на лице, с растерянными, все время блуждающими глазами, Бубенков, кажется, был создан для того чтобы делать одни глупости. Этот человек ни одного раза не только не провел ни одной своей идеи или не воплотил ни одной своей мысли, но, кажется, он был создан исключительно для того, чтобы ставить советскую власть в комическое положение.

Перед тем как появиться на юге он был на крайнем севере в Архангельске и там своими бессмысленными, с точки зрения большевиков, поступками не только способствовал приведению в исполнение плана изгнания большевиков из Архангельска, но еще и благодаря его глупости, советская власть лишилась крупного числа миллионеров, которые достались в руки «бело-гвардейским» организациям во главе с генералом Потаповым.

Едва удревший из рук «бело-гвардейцев», Бубенков снова получает назначение на юг. Объяснение такого назначения может быть и есть в действительности только одно – абсолютное отсутствие в «совдепии» людей, которым можно доверять.

В одном любопытен Бубенков: ненормальный человек, он отнюдь не был кровожадный и, если большинство этого типа комиссаров считают особенным шиком хвастаться числом выстрелов, произведенных в упор, то Бубенков являлся совершенно противоположным типом. Он конфузливо сознавался, что не подписал ни одного смертного приговора и, уже, конечно, сам не произвел ни одного выстрела.

---

3.   ВОЖДЬ КРАСНЫХ И. И. ВАЦЕТИС и др.

ВАЦЕТИС

И. И. Вацетис¹⁶ – бывший артиллерийский офицер. Он с высшим военным образованием. В 1909 году он окончил императорскую николаевскую академию¹⁷ по второму разряду, т.е. без зачисления по генеральному штабу. Строевой его ценз также невелик: самая большая часть, которая находилась под его непосредственной командой, был латышский батальон еще во времена первоначального их комплектования, при их возникновении на северном фронте, Внешность Вацетиса самая неказистая: маленького роста, очень толстый, настолько, что фигура его представляется совершенно четырехугольной, с короткой совершенно заплывшей жиром шеей и микроскопическими постоянно воспаленными глазами, которые у него непрестанно бегают по сторонам. Одет он в костюм, представляющий нечто среднее между просто штатским и формой капитана волжского парохода. Держится главком чрезвычайно просто, особенно старательно подчеркивая простоту своего поведения в том случае, когда ему приходится встречаться по службе со старыми, так называемыми, бывшими генералами, из которых некоторые, состоящие на службе у советской власти, с весьма ясной и бросающейся в глаза утрировкой подчеркивают остатки былой дисциплины. Приемная его всегда полна народу. Очередь в приемах соблюдается мало; независимо от времени, принимаются главным образом, различных депутаты, которых в ставке, когда она находилась в Арзамасе, было достаточное количество.

Нынешняя карьера Вацетиса следующая: в марте и апреле 1918 года он развертывал в Москве первую латышскую бригаду в дивизию. Эта работа длилась приблизительно до начала июня, когда обстоятельства, в связи с неудачами большевиков на среднем течении Волги, заставили совнарком для поправления их дел послать туда вновь сформированную дивизию латышей под начальством Вацетиса.

Всем известная неудачная попытка тогдашнего командующего восточными силами большевиков пресловутого Муравьева¹⁸ изменить советской власти, кончившаяся его самоубийством немедленно выдвинула Вацетиса на пост вместо Муравьева.

Причина попытки к измене Муравьева осталась тайной для многих.

Причины же, выдвинувшие Вацетиса на пост главнокомандующего большевистскими силами, ясны и понятны: как ни низко пал Муравьев в своих злодеяниях, но все же он был русский человек и, в конце концов, не мог не видеть, в какую пропасть ведут Россию современные ее правители из разного интернационального народа. Этот самый интернационал тоже отлично понял, что только нерусский человек может быть вполне надежен на таком ответственном посту и только нерусский человек будет в состоянии с легким сердцем бросать на русский народ латышей, китайцев и всякие другие интернациональные войска.

Совнарком ценит Вацетиса, Совнарком отлично знает, что другого им не найти. Другой, если даже и продается совершенно искренно, то все-таки ему не будет такого доверия, как злобному латышу, для которого русский материал только материал, на котором он строит свое благополучие.

Совнарком может спать спокойно: Вацетис не изменит. Его не замучает совесть при виде разрушенной России, которую он ненавидит всей душой; его не замучают тени погубленных им десятков тысяч русских офицеров, как они замучили Муравьева и заставили в измене советской власти искать нравственного успокоения... Нет, ему все это нипочем. Что ему Россия, и что он России?!

Надо сознаться – советские власти сделали хороший и правильный выбор. О его талантах, как военного человека, речь будет еще впереди, сейчас же надо сказать только о том отношении, которое он имеет к делам вообще и о тех лицах, которые его окружают.

Вацетис очень хорошо чувствует, насколько он нужен советской власти, и манера его обращения с отдельными лицами совнаркома достойна описания.

Для того, чтобы было понятным его поведение, необходимо предварить читателей, что в настоящее время военное управление в совдепии сосредоточивается в руках троек, так называемых «военно-революционных советов» различных рангов. Сам Вацетис, как главноком, находится в военно-революционном совете республики. Этот совет состоит из большого числа лиц, но как и в низких, подобных ему советах, военный его член вполне самостоятелен в оперативных вопросах и никому в отдаваемых им распоряжениях отчета не дает,

контролируясь остальными членами совета только со стороны, так сказать, контрреволюционности отданного им распоряжения. Это, между прочим, одна из причин того, что в настоящее время в советских войсках стало несколько больше порядка и систематичности в действиях.

Однажды Вацетис отдал какое-то оперативное приказание, которое не понравилось видному члену коммунистической партии. Член этот был в Москве. Он немедленно вызвал Вацетиса к прямому проводу и стал ему высказывать свое неудовольствие по поводу того, что Вацетис распорядился, не посоветовавшись предварительно с ним. Этот нарком стал угрожать Вацетису партийным коммунистическим судом, на что Вацетис весьма в резкой форме ответил, что он их партийных судов не признает и за свои распоряжения несет ответственность лишь перед советом народных комиссаров и с ним больше разговаривать совершенно не желает. Конечно, так может говорить только Вацетис, который чувствует за своей спиной значительную силу латышских штыков.

Между прочим, Вацетис не коммунист, и как это не раз проскальзывало в его разговорах, не собирается быть таковым.

Но советская власть терпит его грубые выходки: он им необходим...

Интересно привести и мнения Вацетиса о его подчиненных вроде Сиверса, Киквидзе, Мироновых и прочих этого ранга начальниках.

В то самое время, как посланный Подвойским военный руководитель приехал к Вацетису для своего и Подвойского обеления, туда прибыла и депутация Сиверса для жалобы на Подвойского и его белогвардейскую компанию.

Вот что там произошло:

В приемной все встретились: и жалобщики, и приехавшие оправдываться.

После получасового разговора сиверцы вышли от главкома с сияющими лицами победителей, гордо смотря на приехавшего обелиться контр-революционера.

Позванный военный руководитель был принят тоже очень ласково и тотчас увидел, что его дело будет выиграно. Выслушав доклад о Сиверсе в самых коротких чертах, главком немедленно перешел на общее положение дел на фронте. Здесь досталось и Сиверсам, и Киквидзе, и Мироновым. Главком, не жалея образных сравнений, критиковал их действия: «Что же Сиверс по-прежнему продолжает интересоваться мануфактурой и сладким товаром, для спасения которого у него нет другого средства, как постепенное отступление с обвинением

всех и вся в белогвардействе. Ну, а Киквидзе продолжает танцевать лезгинку от Елани до Мачехи и обратно?» Действительно, в то время Киквидзе раз десять наступал и отступал в этом районе, оправдывая свои бессмысленные передвижения какими-либо «стратегическими» соображениями, и, несмотря на категорическое приказание не посылать непосредственных донесений, главкому, все время беспокоил высшее командование своими собственными «стратегическими» планами.

– А что поделявает «безумный» войсковой старшина? Скоро ли надеется свергнуть своего соперника? Как его отношения с ближайшим другом Киквидзе?

Те мнения, которые Вацетис высказывал об этих начальниках, показали, что он их знает достаточно хорошо.

В этой же самой беседе главком развил подробности своих стратегических планов, которые были заключены следующими, с достаточным пафосом сказанными словами:

– Мы возьмем их в клещи. Покончим раньше с Доном – отдадим его трудовому народу. После покончим с добровольцами – сметим тех и других в море!..

В частной жизни Вацетис весьма прост и самым главным его развлечением состоит: хорошая выпивка и обильная еда. Причем время приема докладов, сочно при этом приговаривая: «Люблю поесть. Что же осталось теперь в этом мире как не одна еда».

Вацетис все время окружен латышами, и весь его конвой состоит исключительно из них. Чтобы попасть к главкому, надо пройти сквозь строй различных формальностей которыми заведывают исключительно латыши. В самом Арзамасе в то время был порядочный латышский гарнизон, который держал город в строгом повиновении и подчинении к новой в России власти.

Странно и обидно было видеть их гордые лица. Наблюдать образцовый порядок их воинских частей, в то же время замечая отвратительное безобразие в русских красноармейских частях и, будучи настроенным в противную от этих красных банд сторону, все же становилось обидно видеть, что в нашем народе так мало любви к своему порядку, к своему родному укладу. От наших можно было слышать только брань и поношение всего, что было раньше дорого и свято всем. И в то же время, тут же рядом у латышей слышать дорогие слова: Родина, честь, долг порядок и т. д. и т. д.

Видеть почтение и любовь к своему начальству, которое всегда и в прежнее время, а тем более сейчас у латышей много строже и требовательнее, нежели в старых наших войсках. Сам Вацетис неоднократно

с гордостью говорил: «Да, там плохо, но я пошлю туда латышей – порядок будет восстановлен!»

В чем здесь причина, сказать трудно и входить в подробности не отвечает настоящей статье, но в будущем при общих разборах положения в совдепии, вероятно, будет возможно провести некоторую параллель, которая может пролить свет, хотя бы отчасти, на этот вопрос.

Итак, Вацетис был невысокого мнения о своих начальниках отдельных частей и более высших соединений, но сам он тоже едва ли может быть причислен к выдающимся стратегам теперешнего момента.

Коснувшись стратегических способностей советского главкома, необходимо привести конкретный пример его деятельности.

В начале октября нового стиля 1918 года, давая директивы южному фронту в лице ее командующего бывшего генерала Сытина, Вацетис особенно настаивал на накоплении больших сравнительно резервов, которые по его требованию должны были направиться в распоряжение Сытина. Но в то же самое время сам Вацетис, властно вмешиваясь в распоряжения командующего Сытина личными приказами отменяющими приказание непосредственного начальника Сытина, разбросал все свои силы и поставил южный фронт в полную невозможность оказать активное сопротивление своему врагу, гораздо слабейшему, как численно, так и, конечно, технически.

В своих теоретических рассуждениях Вацетис был часто смешон, особенно, когда, чувствуя свое высокое положение, он старался усиленно подчеркнуть докладчику, что он совершенно не интересуется мелочами и требует лишь самую сущность. Каково же бывало, в конце концов, удивление докладчика, когда вслед за таким предварением сам главнокомандующий принимался за составление самых мелких телеграмм, входил в редакцию и подробности отдачи самых незначительных приказаний.

В начале октября 1918 года в Козлове, в поезде Троцкого было большое совещание военно-революционного совета республики, на котором принималось важное решение о начале общего наступления на юг России, для приведения в исполнение обещаний Вацетиса скинуть в море Донское, Кубанское казачество и Добровольческую армию. На этом заседании председательствовал Троцкий. Главным военным лицом являлся, конечно, Вацетис. Кроме того, были наркомы: Мехоношин¹⁹, Невский²⁰, Свердлов²¹ и, кажется, приезжал из Москвы Аралов²². До начала заседания в вагоне у Вацетиса произошла весьма любопытная встреча: главнокомандующего и бывшего генерала Сытина. Сытин сильно волновался перед этой встречей. Составил длинейший рапорт и при входе в вагон Вацетиса, с большим волнением в голосе

начал свой доклад: «Товарищ, Народный Главнокомандующий, все товарищи южного фронта просили меня передать Вам, что они счастливы видеть в Вашем посещении начало активной работы, и, все, как один, обещают дружным напором опрокинуть зазнавшихся белогвардейцев...»

Так пишется история. Так в старое время, думая одно, говорили совершенно другое... Да что вспоминать: кто, кому, как и когда...

Абсолютно ни один товарищ из южной армии и не думал говорить ни одного слова Сытину. Всем было известно, что только недавно на всем фронте были случаи массового волнения и отказов именно наступать. Но так требует новый этикет, который лихо свободно изощряется в способах и приемах лести, продажничества и тому подобных действий.

Вацетис после такой порции лести был очень оживленный и с полной уверенностью развивал свои планы, подробности которых должны были стать предметом следующих заседаний военно-революционного совета республики.

Совещания эти длились три дня, после чего Троцкий уехал на юг для поднятия духа красной армии, а Вацетис отправился первоначально в Москву, а потом в объезд частей, которые предполагалось отправить для подкрепления сил южного фронта перед переходом в наступление.

Необходимо отдать должное верхам движения, что в их решениях и способах находить выход из затруднительного все время наблюдается масса гибкости и умения примениться к требованиям момента. В их действиях совершенно не наблюдается чрезвычайно вредной для данного момента прямолинейности и желания держаться узких рамок трафарета. В их действиях часто совершенно ясно видно, что изречения: «время-деньги» и «промедление времени смерти безвозвратной подобно» не есть для них только красивые слова, но самое настоящее и необходимое правило.

Такие лица, как Троцкий и Вацетис, в особенности первый, поражают своей энергией, заражают ею своих подчиненных, и, действительно, согласно германскому воинскому уставу строжайшим образом карают не за ошибки, которые естественно у неопытных совдеповцев случаются весьма часто, но, главным образом, кары налагаются за промедление или за бездействие власти.

Вот конкретные примеры: 10-го октября нового стиля Вацетис приехал в Москву. Его приезд совпал с осложнениями двух характеров. Первое – с тогдашней гетманской Украиной²³. Против нее необходимо было выставить заслон, но сил не было. Тотчас же «товарищ

Зусманович» получает приказ выделить половину всех продовольственных отрядов²⁴. Люди этих отрядов занимались лишь добыванием продовольствия. В их частях тотчас же вспыхивает недовольство, но первая же попытка подавлена самым жестоким образом и через десять дней в районе Орла, Брянска и Курска собирается до тридцати тысяч войск при достаточном количестве артиллерии. Никаких сообщений о затруднительности или невозможности привлечь людей на службу, на которую они не нанимались, не было принято во внимание.

В тоже самое время в районе Ижевского и Камско-Воткинского заводов самых необходимых время оружейных заводов вспыхнуло серьезное восстание рабочих²⁵. Кроме того, это восстание ширилось в тылу второй советской армии и грозило лишить ее путей сообщения с тылом.

Немедленно половина всех отрядов по борьбе с контр-революцией была отправлена в тот район.

Результаты первого формирования, из продовольственных отрядов, приходится чувствовать в настоящее время при событиях на Украине и на нашем главном направлении вдоль железной дороги...

А разве следующее – не разительный пример. Объявив всему совету, что нет более армии по принуждению, что нет больше начальства, а есть только выборные «старшие – товарищи», комиссары уже в июне месяце неуклонно проводят в жизнь обязательную воинскую повинность, полную отмену выборного начальства, дают ему полную свободу в стратегических вопросах, широко озабочиваются привлечением населения к военному образованию, открыв не только ряд военных училищ, но и приложив все старания к тому, чтобы военная академия имела полную возможность правильно функционировать.

На эту энергию большевизма надо обратить особое внимание, чтобы противопоставить им не меньшую энергию, что при известном опыте и умении работать естественно должно дать нам огромный перевес не только в технике выполнения, но и в привлечении на свою сторону всех тех, кому дорога идея Великой нашей Родины и Единого Русского народа, которые эти международные аферисты избрали объектом для опытов по прививке всевозможных утопических идей.

В нашем народе много потенциальной энергии. Ее надо уметь разбудить, и тогда мы дадим пример чрезвычайного полезного напряжения на всех поприщах и во всех областях. Военное дело особенно высоко стояло у нас тогда, когда во главе нашего несравненного солдата стояли лица легендарной энергии. Вспомним Суворова, вспомним Скобелева и его орлов Зеленых гор и Балканского перехода, вспомним легендарные подвиги наших солдат в эту кампанию.

Из Москвы Вацетис выехал в Нижний Новгород для осмотра 2-й нижегородской дивизии, которую предполагалось выслать на южный фронт в первую голову.

К 12-ти часам дня дивизия была выстроена на большой городской площади. В первый раз пришлось видеть мобилизованную красную армию на мирном положении перед парадом. В этой дивизии офицеры были призваны также по мобилизации, и их поведение было наиболее интересным.

После приезда на площадь Вацетис был вынужден ждать около часа: красноармейские части не были так аккуратны.

Наконец, все было готово. Части взяли на караул. Музыка заиграла марш «Старый Товарищ», – Вацетис принял рапорт начальника дивизии и прошел по рядам. Главнокомандующий делал попытки здороваться с людьми: «Здравствуйте, товарищи». Некоторые части отвечали нестройно и нехотя «здравствуйте, товарищ командир», другие же угрюмо молчали, но красный главком шел дальше, не обращая внимания на эти мелочи. Офицерский состав, насколько можно было заметить, был более чем безучастен, на их лицах было написано полное безразличие.

Немедленно Вацетис вызвал всех начальствующих лиц до отделенных включительно и тут же на площади был устроен летучий митинг, на котором было объявлено, что дивизия выступает на юг против белогвардейцев.

Главком предложил начальству прокричать «ура» в честь радостного события: объявление похода. В ответ раздались такие жидкие и недоумевающие вопросительные крики, что Вацетис поторопился приступить к параду. Как ни бодрился главнокомандующий, но он должен был признать, что дивизия далеко не представляет собою того, что принято называть воинской частью. Особенно интересовало Вацетиса настроение офицерского состава, о чем он долго беседовал с комиссарами дивизии, которые не могли дать ему никаких реальных надежд на то, что офицеры преисполнены желанием служить советской власти.

Недовольный виденным и слышанным, главком вернулся в свой шикарный поезд и немедленно выехал в Арзамас в свой оперативный штаб.

Оперативный штаб главкома весьма немногочисленный: два личных адъютанта из латышей и два бывших офицера из ускоренного выпуска военной академии 1917 года: исполняющий должность Начальника Штаба Главнокомандующего капитан Майгур, который в то время был почти утвержден в этой должности, ибо пользовался особым до-

верием Вацетиса, и того же выпуска капитан Михайлов. Первый из них, капитан Майгур, казалось, совершенно вошел в орбиту большевизма, и на его плечах лежала вся работа и вся переписка, которую вел красный главком.

Штаб мог быть столь не многочисленен потому, что вся техника отправки и приема корреспонденции лежала на штабе Восточного фронта, который находился тогда в Арзамасе.

Второй член штаба, капитан Михайлов носил громкое прозвище «Казанской» за подвиг, оказанный в рядах Красной армии во время взятия города войсками Адмирала Колчака и чехо-словаками. Будучи отрезан от красных, принужденный оставаться в Казани, бывший капитан скрывался несколько дней в погребах, и после больших приключений вновь присоединился к совдепским войскам.

По приезду в Арзамас Вацетиса ждала большая неприятность, которая заставила его отложить предполагаемые дальнейшие поездки для осмотра частей, посылаемых на юг, и приложить все свои усилия для ликвидации катастрофического положения Царицына.

Числа 15 октября нового стиля в штабе главкома получился ряд отчаянных телеграмм из Царицына за подписями Сталина, Минина и Ворошилова. Последняя из них, полученная утром 17-го, гласила: «Положение отчаянное. Если не поможете снарядами, патронами и живой силой – катастрофа неминуема. Позднейшее исправление будет невозможно». Царицын был почти в агонии. Только случай мог его спасти.

Экстренно высланная ему на помощь вольская дивизия разбежалась, не доезжая еще до Саратова. Больше сил взять было неоткуда... Даже продовольственные отряды были использованы.

Но, к несчастью, на этот раз, как и в августе месяце, большевикам пришел на помощь случай – на юге освободилась дивизия Жлобы, которая благодаря выгодному стратегическому положению, спасла Царицын для советской власти.

Но гений красного главнокомандующего в данном случае не играл никакой роли.

Причины невзятия Царицына, как и в первый раз, так и в теперешний – последний, лежали гораздо глубже и, слава Богу, теперь, можно надеяться, совершенно устранены.

Вот в руках каких «русских» людей находятся судьбы нашей Родины. Кучка самозванцев-интернационалистов призвала на пост главнокомандующего злобного латыша, которому чужды интересы России, непонятны ее исторические задачи и совершенно неуловимы душевные переживания и психика великого народа.

Такой главнокомандующий был нужен интернациональной компании, и в лице латыша Вацетиса большевистский совнарком нашел то, что искал.

ГИТТИС

Первое мое знакомство с теперешним командующим армиями большевиков на южном фронте бывшим полковником Владимиром Алексеевичем Гиттисом²⁶ произошло на позициях под городом Станиславом в Галиции, где в 1916-м году он, будучи подполковником, временно командовал одним из полков 7-й армии, командир которого был только что отрешен от командования. Молодой подполковник, в виду его выдающихся боевых и административных качеств был назначен в тот полк для того, чтобы привести его в порядок до приезда нового командира, а быть может, что было вполне возможно, остаться в дальнейшем командиром этого полка.

Гиттис вышел на войну адъютантом одного из полков 17-ой пехотной дивизии и в самом скором времени был награжден Георгиевским крестом за выдающийся подвиг приведения полка в порядок и спасения положения, в то время, когда его командир полка совершенно потерял голову.

В мирное время Гиттис прошел все должности в полку от квартирмейстера до полкового адъютанта; детально знал все сложное управление полком со всеми его крючкотворствами, а, кроме того, прекрасно умел обращаться и разбираться в том элементе людей, который представлял из себя контингент офицеров наших армейских полков.

За два месяца его временного командования полком он, надо отдать ему справедливость, выяснил многие вопросы, разобрался в людях и к тому времени, как я приехал принимать этот полк, он передал его мне не только в полном порядке, но кроме того, пробыв там моим помощником около двух месяцев, дал мне полную картину полка с такой верностью, которая указывала на его исключительную наблюдательность.

В отношении как солдат, так и офицеров Гиттис всегда проявлял значительную строгость, но в то же самое время его справедливость была, вне всякого сомнения, а потому он пользовался неизменным уважением. Свой коренной полк он любил, как могли любить только

старые, хорошие офицеры. Эту любовь он доказал тем, что отказался от хорошего места помощника командира корпуса и ушел обратно в свой полк, где получил только батальон, ибо был там всего младший подполковник.

Грянул гром революции. Гиттис не был в числе пострадавших, но и не был среди прихвостней революции.

Второй раз мне довелось встретиться с ним в Петрограде, в пресловутой комиссии генерала Поливанова²⁷, а в дальнейшем переименованной в комиссию по преобразованию войск. И тут Гиттис был на высоте. Он был прислан от восьмой армии и, как подобает чисто строевому наблюдательному и весьма развитому офицеру, сразу стал в открытую оппозицию всевозможным новаторам и реформаторам нашей многострадальной армии.

В ответ на все истерические крики и вопли: «Мы покажем всему миру, что может сделать свободный солдат. Мы откроем новые горизонты военного искусства и т. д. и т. д.» Гиттис, без страха примкнувший к строевой партии «чернецовцев» в военной науке²⁸, совместно с этой весьма малочисленной партией, настаивал на оставлении в армии всего того, чем она крепка и спаяна в одно целое.

Тут я теряю следы дальнейшей деятельности Гиттиса на период свыше года. Вся его старая деятельность, его характер, убеждения и та прямота, с которой они эти убеждения всегда высказывал, все навело меня на мысли, что в настоящее шаткое время я несколько бы не был удивлен, если бы пришлось услышать о самосуде большевистски настроенной толпы над полковником Гиттисом.

Больше встречаться мне с Гиттисом не довелось.

Но в бытность мою в секретно-разведывательной командировке в октябре 1918-го года, находясь в ставке «Красного Главкома» Вацетиса я к глубокому своему удивлению, среди списков командующих советскими армиями увидел фамилию Гиттиса...

Он тогда командовал 6-й армией и находился на Архангельском направлении²⁹. Я усомнился: да тот ли это Гиттис или только родственник или однофамилец, но наведенные мною справки не оставляли места никаким сомнениям — старый доблестный офицер, георгиевский кавалер, человек, казалось, определенных воззрений на все то, что происходит в нашей армии, сам перешел на сторону врагов права, порядка и людей, столь открыто признававших необходимость разрушения той армии и той России, которых Гиттис, казалось так пылко любил и понимал.

Знать своего врага, знать своего противника во всех его деталях, не скрывая от себя его талантов и достоинств не только, как воина и

соперника на ратном поле, но и как человека необходимого, ибо всем известно, самым важным элементом боевой обстановки является – человек – сам по себе, как таковой. А потому, да не подумает читатель, что мое описание Гиттиса есть скорее хвалебный гимн и может не соответствовать духу времени, запросам и вкусам читающей публики.

Если читатель возобновит в своей памяти мою характеристику бывшего командующего армиями южного фронта «товарища» Павла Павловича Сытина (см. «Донскую Волну» за 1919 г.), то он конечно не найдет и сотой доли тех похвал, которые относятся к Гиттису. Из широкой публики Гиттиса никто не знает. Я сам, как видно, только случайно познакомился с ним. Но, да не поленится читатель справиться о П. П. Сытине, и он увидит, что я дал правильную его характеристику – беспринципного, за деньги все могущего сделать человека.

Гиттис много моложе таких столпов военно-ученого мира, находящегося на службе у большевиков, как Клембовский³⁰, Гутор³¹, Сытин и т. д., и зная их, и зная его, я уверенно могу сказать, что Сытин и компания заблуждаться не могут, а ищут только место, где больше дают... Гиттис же, не знаю – заблудился ли он, или тут дело еще сложнее?.. Но относительно его я уверен... Получи он соответствующий толчок извне, хотя бы такой, когда власть имеющий мог бы ему тем или другим путем напомнить его долг и обязанность... Если бы он услышал энергично-твердое: «Полковник, я вам приказываю»...

Быть может, красные раскаялись бы в том, что вверили ему армию.

БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ КАМЕНЕВ

По сведениям из Совдепии новым главнокомандующим всеми «красными» силами назначен бывший офицер генерального штаба бывший генерал-майор Каменев. Служба этого бывшего офицера протекала большей частью в штабах и он во время прошлой кампании не командовал никакой строевой частью. Каменев³² в мирное время служил в Петроградском Военном Округе, где мне приходилось довольно часто его встречать, кроме того он был большой любитель скачек, играя с увлечением на тотализаторе.

Его достаточно высокую фигуру зачастую можно было видеть в то время, когда он жадно следил за интересующей его лошастью. Его внешность жгучего брюнета, с большими черными навывкате глазами иссиня-черными, пушистыми усами очень походит на румына.

Повторяю, на тотализаторе Каменев играл с большим увлечением и азартом. Вероятно, его страстная натура и была причиной того, что он увлекся авантюрой и попал в русло большевистского потока.

В продолжение всей войны мне ни разу не довелось встречаться с Каменевым.

Грянул гром большевизма и я, волею судеб и моей секретной задачи, очутился в конце августа нового стиля 1918-го года в ставке тогда всесильного, а теперь тоже, судя по газетным известиям, арестованного³³ бывшего главкома большевиков латыша Вацетиса. Тут в приемной, полной разного сброда и насквозь пропитанной запахом крепкого табаку латышской носогрейки, я встретился с теперешним Главкомом, тогда в свою очередь ожидавшем инструкций и указаний от своего предшественника, от Вацетиса, как только что получивший восточный фронт против адмирала Колчака. Естественно, мы, как старые знакомые, немедленно разговорились. Я, как лицо, задача которого главным образом состояла в проведении секретных целей моей организации, попробовал прозондировать причины его службы у большевиков и взгляды вообще, из которых, конечно, я в этом был уверен тогда, первые – граничили с ошибкой или принуждением, а вторые были совершенно «контр-революционные». К большому моему сожалению, начатый разговор мне не удалось довести до желанной определенности. В самый его разгар, когда из полунамеков можно было уже составить всю картину нравственного мучения переживаемого новым командующим восточным фронтом, его и его помощника вызвал Вацетис в свой кабинет.

Несмотря на этот перерыв разговора последней заключительной его фразой было определенное полусознание, что обстоятельства сильнее его самого и... тут последовал столь безнадежный взмах рукой, что, повторяю, снова не оставалось никакого сомнения в том, что сердцем и душой генерал Каменев в том месте России, где свободно и гордо развевается наше национальное трехцветное знамя...

Дальнейшие мои задачи вынудили меня немедленно покинуть Арзамас, где была тогда ставка Вацетиса и штаб восточного фронта, новых руководителем которого стал Каменев.

Следующий мой приезд в Арзамас был в начале октября нового стиля того же 1918 года. В данном случае я приехал на совершенно других основаниях и, если в августе я был в Арзамасе как поднадзорный и обвиняемый, который должен заботиться об оправдании, то в октябре все ходы и выходы для меня были открыты, ибо задача и пост, на который мне удалось пробраться, давали полную к тому возможность.

Помня настроение Каменева и желая завязать, если бы моя разведка в этом направлении была бы успешной, весьма полезную связь с командующим восточным фронтом, я снова попытался при свидании с Каменевым начать с ним разговор на так досадно прерванную тему.

Новый командующий фронтом принял меня очень радушно. Но, вероятно, заботы о фронтовых делах, а быть может и некоторая подозрительность и осторожность в его новом положении заставили его в этом случае вести разговор настолько уклончиво, что и со своей стороны, сердцем чувствуя, что по всему своему прошлому Каменев не может быть настоящим большевиком или сочувствующим их планам и замыслам, все-таки не мог решиться поставить ему для меня вопрос нужный, даже и настолько откровенно, как это было сделано мною, как это было сделано мною первую нашу встречу в приемной у Вацетиса. Весь тон одного нашего разговора был настолько грустен, что он казалось имел темой любимого умершего человека, имя которого каждый из разговаривавших боялся назвать. Дабы не сделать один другому жестокого нравственного страдания.

Я встал, простился и вышел. В то самое время, когда я прощался с Каменевым, его глаза, ясно и определенно, так же, как и во время первой встречи его губы, ясно и определенно говорили: «Да, тяжело. А еще тяжелее то, что я не могу быть откровенным и не могу сказать вам о всем том, что так волнует мою душу!»

Теперь Каменев поднялся на самую высокую ступень большевистской военной лестницы... Падать оттуда ему придется несомненно. Исход этого падения понятен каждому... И, как сейчас, я вижу грустное лицо, как сейчас, слышу грустные слова: «Тяжело. Ох, как тяжело!» Да, конечно, тяжело идти против своих убеждений. Еще тяжелее что чувствовать, что изменяешь долгу.

В данном случае я осмелился написать только мои личные впечатления и то, что чувствовал тогда своим внутренним я...

Дела Каменева в прошлом, настоящем и будущем покажут, насколько я был прав в своих предположениях, вернее в том, что я инстинктивно чувствовал.

В настоящее время телеграф принес известие, что этот новый «красный главковерх», бывший генерал Каменев, за боевые отличия получил, по представлению Цика, орден «Красного Знамени» 1-ой степени. Вне всякого сомнения, таковое известие весьма знаменательно и показывает, что все на свете меняется: вероятно изменились и воззрения самого Каменева. Привык ли он к своей новой должности, или случилось еще что-либо более сложное в его жизни и повлияло

на него в сторону перемены его настроений, сказать весьма трудно, а гадать не стоит. Во всяком случае в лице нового главковерха «красных» мы имеем человека, политическую физиономию которого определить весьма и весьма затруднительно...

Это не латыш Вацетис, для которого Россия и русские звук пустой, а нравственный и умственный багаж которого сводился в словам: «люблю поесть, да и что же осталось теперь делать, как не есть – только одно и осталось»...

Это и не Павел Павлович Сытин, бывший генерал генерального штаба, весь моральный запас которого сводился к жажде наживы по вывозу и спекуляции на мануфактуре, а честолюбивые замыслы требовали достижения места «главковерха» путем какой угодно подлости...

Правду о Каменеве выяснит история, а пока будем довольствоваться тем, что говорят нам наши чувства.

---

2. ВОЖДИ КРАСНЫХ

КОМАНДАРМ ЕГОРОВ

Это было в 1918 году в самом начале октября по новому стилю. В это время Егоров только что принял балашовский участок.

Надо сказать, что этому участку не везло на начальство. С самого начала августа там начал свою карьеру П. П. Сытин³⁴, у которого на положении пешек, были отставной генерал Левицкий, который только плакался на свою судьбу, что Сытин не дает ему ничего делать, а остальные его окружающие совершенно его не слушают; временно сменил полковник Захаревич, тоже из отставки, который представлял собой тип забитого судьбою человека, единственное желание которого в настоящее время было получить деньги и угодить начальству в лице всемогущих комиссаров. Но, как первый, так и второй долго не удержались на своих местах, угодливость не всегда помогает.

Сытин совместно с Вацетисом задумали перегруппировку, и вот на место забитых судьбой «бывших» генерала и полковника революционная волна выносит новый тип. Тип приспешника революции. Это тип человека, всегда держащего нос по ветру, а вместе с тем, к счастью, весьма редкий, тип старого кадрового офицера, который, сообразно обстановке, как хамелеон, меняет свои убеждения. Одно его убеждение неизменно: он служит всегда той стороне и принадлежит к той партии, которая в данный момент главенствует, а кроме того и больше платит.

Командарм Егоров³⁵ – бывший полковник инженерных войск. Где он служил раньше, я не знаю, но настоящие его убеждения, по тем слухам, которые про него ходили у комиссаров юга, являлись весьма гибкими.

С момента переворота Егоров стал открыто называть себя правым эс-эром, но с течением времени и сообразно требованию моды он постепенно скатился до того, что стал ярым коммунарком, и, конечно, «большевиком», записанным в партию.

Нельзя сказать, чтобы его партийности особенно доверяли его «товарищи» комиссары. Они больше доверяют скомпрометировав-

шим себя лицам, нежели без меры болтающим языком, а этот командарм как раз принадлежит людям последнего типа.

Мое знакомство с командармом Егоровым произошло по прямому проводу. Вот в чем оно состояло.

Продолжая свою секретную командировку, мне посчастливилось попасть на значительное место помощника видного военного деятеля³⁶ «совдепии» и по его поручению передать по прямому проводу некоторые распоряжения Егорову, который находился в Балашове. Надо сказать, что до этого назначения я бывал дважды арестован по подозрению в «белогвардейской» деятельности, но каждый раз довольно благополучно уходил не только целым, но и каждый раз с большим повышением.

Когда я вызвал Егорова к аппарату, он долгое время не хотел верить в мое право называться тем званием, которым я себя рекомендовал.

Но когда это выяснилось в мою пользу, весь наш разговор только и вертелся на одной лишь истерической фразе Егорова: именем революции. Во имя защиты поруганных прав всемирного пролетариата, я требую... Дальше начинались не ответ на вопрос, предложенный ему начальством, не то или другое тактическое или стратегическое соображение, а просто набор митинговых Фраз, которыми командарм подкреплял свои требования на шинели и сапоги, а также и военные запасы, которые на его участке расходовались в невероятных количествах.

Эти истерические выкрики при разговоре по прямому проводу так были смешны и неестественны, что все, кому приходилось переговариваться с Егоровым, шли на эту работу как на пытку. Комиссары же военно-революционного совета фронта от души смеялись над этим новым «полковником-коммунистом» и, как я уже говорил, доверяли уму не больше, чем многим другим, совершенно непричастным к коммунизму.

Военными талантами Егоров совершенно не блистал и то, что его произвели на должность командарма Царицынского фронта, показывает лишь то, что у большевиков совершенно нет соответствующих людей для замещения ответственных постов.

Дела южных комиссаров были, вероятно, не из блестящих, если им приходится просить или, вернее, соглашаться на столь несоответствующее назначению лицо, ибо они первые часто возмущались Егоровым и неоднократно требовали его смещения.

Кроме того, факты говорят сами за себя: Царицын не устоял. Командарм Егоров не сумел спасти город.

ДУМЕНКО

Думенко³⁷ – бывший вахмистр эскадрона, состоявший всю кампанию на этой должности в одном из кавалерийских полков. Резкий, требовательный в своих отношениях к солдатам в старое время, он остался таковым и теперь. Но как человеку своей среды, красноармейцы, весьма требовательные в манере обращаться с ними к своему начальству из бывших офицеров, совершенно легко и безобидно для своего самолюбия сносили грубости, резкости и, зачастую, привычные для Думенко – старого вахмистра³⁸ – основательные зуботычины, которыми Думенко не только преисправно наделял простых рядовых бойцов, но отчески благословлял и свой командный состав.

Приходилось «красному Стюарду³⁹» выступать и на митингах, а также на различных совещаниях, тут его положение было не из блестящих, ибо даром слова природа его более, чем обездолила...

«Так что, товарищи», я теперь полагаю, что если защита, то пусть значит, будем защищаться. А потому, что прикажут, надо сделать...

Вот, кстати, образец его красноречия. Но в этом же образце есть резкое указание на старую привычку к повиновению, к сознанию того, что в военном деле необходимо идти к одной общей цели, которую кто-то намечает, которую кто-то приказывает выполнять. Этот конец его короткой безыскусственной речи: «ежели прикажут, надо сделать» как нельзя лучше объясняет секрет его успехов.

Без сомнения, надо принять за правило, что только тот умеет повелевать, кто сам умеет или умел повиноваться. А это в старой службе Думенко было. Были у него, очевидно, настойчивость и характер, а кроме того было и вахмистерское знание лошади. Все это, вместе взятое, дало ему такой плюс, что при наличности у большевиков хорошего конского запаса, ибо будущие планы большевиков, конечно не могут обращать внимания на вопросы сохранения государственного коннозаводства, в его часть попадали очень хорошие лошади и притом, тем же путем, как и в полки дивизии Киквидзе⁴⁰, т. е. просто путем разграбления ценного заводского материала.

Кроме того, насколько мне известно, Думенко всегда умел настоять на необходимом для его части отдыхе, отнюдь им не злоупотребляя.

Думенко в среде большевистских вождей – далеко незаурядная личность, один из немногих самородных талантов, вышедших из среды простого народа, но, к глубокому сожалению, приложивших свои силы не к созиданию народного величия, а к его разрушению.

ЖЛОБА

Мне несколько раз приходилось упоминать, что среди военных деятелей «совдепии» новой формации, т. е. появившихся революционным путем, есть не мало лиц рядового военного звания старой нашей армии.

Наиболее способные и обладающие сравнительным военным талантом вышли из кавалерийских частей: Тулак, Киквидзе, Думенко и т. д., но все они кроме Думенко в коннице и Жлобы⁴¹ в пехоте страдают отсутствием способности к маневрированию своими частями.

Жлоба таким образом является таким же самородком для пехоты, как Думенко для конницы. Среди царицынских комиссаров усиленно поговаривали, что Жлоба – бывший офицер, якобы усиленно скрывающий это. То же самое говорили про почти каждого из таких самородков. Как мне кажется, это были просто попытки объяснения успехов того или другого из их начальников, а вместе с тем – разговоры для своего успокоения, ибо идти за человеком, в знания которого верим, конечно, гораздо легче, чем исполнять приказания, ведущие тебя на смерть, и в то самое время знать, что отдающий эти приказания, ничего в них не смыслит.

Жлоба еще более самостоятелен, чем Думенко. Являясь командиром самой лучшей дивизии красных, он позволял себе такие капризы, которые не могли разрешить себе другие деятели, не имевшие под руками такой опоры. Надо, однако, отдать ему справедливость – капризничал Жлоба с толком и часто тогда, когда он чувствовал бесполезность распоряжений различных комиссаров, причем он не стесняется ругаться даже со Сталиным, что непозволительно было и для комиссаров более высокого ранга.

На митингах и совещаниях Жлоба совершенно не показывался. Говорить он, как будто, не умеет или не хочет. Если предположить, что он воздерживается от словесных выступлений с целью создать вокруг себя обстановку некоторой таинственности, то это показывает еще раз на его незаурядность.

Из маневров Жлобы самым лучшим надо считать удар под Царицыным в октябре прошлого 1918 года⁴². Получив приказ ставки Вацетиса (к слову сказать – это также одно из немногих правильных и талантливых приказаний бывшего главковерха) двинуться для освобождения Царицына, он сделал все распоряжения, совершенно самостоятельно, выбрав направление удара, избрав для него время и совершенно правильно учтя всю невыгодность и ошибочность в распо-

ложении сил противника. Жлоба нанес действительно громовой удар в тыл и отчасти во фланг зарвавшимся и совершенно не обеспечившим себя войскам противника.

Правда, дивизия у Жлобы лучшая, но это тоже его заслуга, ибо какие бы изменения его дивизия ни претерпела, она оставалась всегда на высоте.

В заключение о Жлобе не только можно, но и должно сказать то же самое, что и про Думенко: жалко, что и его силы приложены в сторону разрушения нашей Родины, жалко, что и он работает по интернациональной указке.

ГАЙ

Совершенно нельзя того же сказать про совдепского дивизионера Гай. Кто такое Гай? – Гай⁴³ это «Красная Амазонка»!

Но сама Гай только фирма. За ней скрывается ее муж «товарищ» Берзин⁴⁴. Он гражданский инженер, т. е. вполне интеллигентный и, как мне пришлось убедиться, вполне умный человек, хотя и весьма беспринципный.

Еще осенью 1918 года после освобождения Самары от «белогвардейцев», когда в советских кругах возникал вопрос об отправке подкреплений на юг, к Вацетису приехал муж «товарища» Гай и особенно хлопотал об отправке дивизии его жены на южный фронт, где к тому времени назревали события.

Эта дивизия носила в то время название «стальной», и за взятие Симбирска первой получила только к тому времени установленные знамена за отличия в боях против белой гвардии.

Мне довелось видеть снимок штаба этой дивизии, где на первом плане снята «товарищ» Гай, рядом с ней ее муж, инженер Берзин, а вокруг расположены комиссары и другие чины штаба. Больше всего удивило меня то, что на фотографии видны были несколько солдат в старой уланской форме в киверах (черных шапках); это были ординарцы и конные посыльные самой дивизионерши Гай.

В заключение этого очерка хотелось бы подчеркнуть ряд весьма симптоматичных явлений в управлении красными войсками вообще, кроме того и в обхождении с ними их начальства, в частности. Насколько в начале создания красных войск их руководители из «запломбированного» вагона⁴⁵ отрицали и отбрасывали все старые способы организации, управления и поощрения войск, настолько в настоящее время они беззастенчиво прибегают к этим же самым приемам и способам, которые так беспощадно ими критиковались, как ненужные стес-

нения личности. С какой последовательностью и с какой постепенностью они вводят теперь в свои войска все то, что в начале своего захвата власти они отрицали!

Красные знамена за храбрость, различные награды в виде жетонов и значков⁴⁶, которые у них теперь разделяются по достоинству, т. е. на значки командного и подчиненных составов, многочисленные и громадных размеров денежные награды – все это признаки того, что все их учение и все их платформы есть не что иное, как неустойчивое и теоретическое толкование, которые они отбрасывают при первом же случае, когда видят, что жизнь указывает совершенно другой путь к достижению правильных результатов. Одного лишь они никогда не отбросят это – террора, ибо им одним они держатся, им одним привлекают к себе на службу и Егоровых, и Берзиных, и Думенок, и Жлоб и тысячи других.

МИРОНОВ, КИКВИДЗЕ И ЗАХАРЕВИЧ

Главными руководителями красной армии, идущей на Дон и оперирующей между Царицыным и Воронежем, являются, как мы писали в предыдущей статье, военный комиссар Подвойский и бывший генерал Сытин. Ближайшими же руководителями бригад и дивизий являются донской казак бывший войсковой старшина Миронов, бывший прапорщик Сиверс, хорошо известный Ростову по жестокостям его дивизии (о нем см. статью Черноморцева «Красный Сиверс»), бывший вольноопределяющийся Киквидзе и бывший подполковник Захаревич.

Миронов⁴⁷, уроженец Усть-Медведицкой станицы, примкнувший к советской власти еще во дни Каледина⁴⁸, правивший севером Дона и бежавший едва в станицах началось восстание⁴⁹.

С красным начальством Миронов весьма горд и не переносит никаких комиссаров и, как он их называет, соглядатаев. Штаб Миронова очень немногочисленный и из настоящих казаков в штабе только один – его зять, а потому его начальник штаба Здобнов⁵⁰. Остальной элемент пришлый и хорошо живет на счет казаков. Совдепцы не раз пытались придать Миронову того или иного комиссара, но каждый раз Миронов с большой настойчивостью не принимал посланных, и результатом была полная обособленность его бригады. Одному из военных руководителей пришлось в сентябре месяце быть в бригаде у Миронова. В это время он взял станицу Ореховку и, собрав весь свой

отряд, думал переходить в наступление дальше. Встреча, которую оказал Миронов приехавшему, была далеко не любезная.

«Опять согладаята мне прислали. Если я им не гожусь, то пусть возьмут у меня бригаду. Прошу вас примите командование, а с меня довольно: я устал». Но Миронов стал любезнее и разговорчивее едва только разговор коснулся его соседа по фронту комиссара дивизии Киквидзе, как ему ни приказывают, не хочет держать связь с Мироновым и грабит казаков. Миронов оживился и пошел громить Киквидзе, называя его разбойником.

Между тем отряд Миронова тоже охулки на руку не кладет, и сам Миронов накладывает на жителей весьма тяжелые контрибуции, а при сборе последних не стесняется в средствах понуждения. С пойманными казаками он обращается весьма жестоко. Их раздевают догола, какая бы погода ни была⁵¹. Войску Миронова необходимо обмундирование, поэтому Миронов не стесняется собирать его всеми способами. Страхом и угрозами, главным образом будущей мести родственникам он заставляет пленных переходить на его сторону, т. е. на сторону советской власти.

Кроме того Миронов очень любит почести и уважение. Ту станицу, которая его встречает с почестями, он записывает в благонадежные, но горе станице, если она сумрачно смотрит на победителей. Миронов тогда становится зверем и накладывает непосильные контрибуции.

Пополняет свои войска Миронов немедленной мобилизацией каждой станицы, в которую он входит, причем первоначально, пока новый красный воин не приобрел доверия, он зачисляется в пехоту, из которой труднее убежать. В этом отношении в его бригаде выработана целая система, при помощи которой вновь поступающее по мобилизации, большей частью недалекие люди, опутываются настолько, что в дальнейшем им только и остается, что продолжать свою службу советской власти, ибо возврат к прошлому грозит весьма тяжелыми последствиями.

Замыслы Миронова весьма честолюбивы. У него как-то вырвалась фраза, которой определяется все его поведение: «Я или теперешние атаманы. Нам вместе тесно. Я буду атаманом Красного Казачества, или лягу костями».

Миронов любит популярность и во всех его мероприятиях, а также во всем его поведении всегда проглядывает стремление играть на популярность. Штаб его представляет маленькую коммуну, где все ведут себя просто и непринужденно, но это только видимая непринужденность; на самом деле режим в штабе Миронова полон его своевольно-

сти и, как это не раз пришлось наблюдать, капризной грубости. Да и не может быть иначе: с одной стороны, Миронов считается официально товарищем. С другой стороны, честолюбивые планы, мечты о будущей славе и почестях заставляют его быть нервным крайне неровным в обращении и в конце концов чрезвычайно грубым.

Когда «бывший войсковой старшина» не в духе, весь штаб ходит на цыпочках, все ждут грозы, и сам Миронов в своем поведении и обращении с подчиненными очень мало напоминает широковещательные рекламы красного равноправия.

Сам Миронов очень недурно владеет пером, и его приказы часто представляют образцы хорошо составленной и с большим подъемом написанной прокламации. В своих приказах Миронов помещает все, что касается и необходимого в будущем наступления, и отношения к местным жителям, и свое политическое «credo», и не скупится, как на посулы земного рая всем тем, кто примет его сторону, так и на обещание легкой дороги в царство небесное его врагам.

Небольшого роста, худой, весьма подвижной, говорящий на митингах с большим подъемом и оттенком престолярного кликушества, мало разбирающийся в средствах достижения своих, тайных целей, Миронов, как человек ловко играющий на темных сторонах человеческой души, вне всякого сомнения может играть большую роль в совдепской части России, и там только он может иметь успех, но и там несомненно временный, ибо: ни ширины государственных взглядов, ни глубокого понимания всего ужаса настоящего положения Отечества у Миронова нет и ни в каких мероприятиях или проектах его этого не видно. Миронов, вне всякого сомнения, ненормален, страдает сильным нервным расстройством, злоупотребляет, как спиртом, так и наркотическими средствами, (последнее пристрастие наблюдается в широком масштабе в советских верхах вообще) и, надо полагать, его большевистская звезда, так же скоро закатится, как и появилась.

Советские власти держат бригаду бывшего войскового старшины в черном теле и бригада, сравнительно с другими соседними частями Сиверса⁵² и Киквидзе нищенски снабжена всем необходимым. В то время как у тех же Сиверса и Киквидзе имеются и броневики и по десятку легковых автомобилей, у Миронова в бригаде ничего подобного не было и не предвиделось к получению в скором времени.

Подобное отношение к бригаде Миронова есть результат известной подозрительности советских властей по отношению к казачьим частям вообще, а в данном случае к достаточно большой части, состоящей под начальством, как никак, а все-таки – «бывшего офицера»,

по своему характеру мало считающегося с советской властью и достаточно популярного в своей бригаде.

Подозрительное и недоброжелательное отношение высших мира сего к Миронову и его бригаде, отзывается и на отношении к нему его соседей. У Миронова хронические нелады с Киквидзе, с остальными постоянными или временными соседями Миронов тоже мало стесняется не только заглазно, но и при встрече. Поэтому сам Миронов весьма не популярен и в среде его «товарищей-командиров». Все ясно чувствуют, что «войсковой старшина» что-то замышляет, на что-то надеется, к чему-то стремится...

В советских верхах – люди не без зависти, а общий уклад не без больших интриг, а потому характер Миронова портится не по дням, а по часам, нервность увеличивается в той же пропорции и... результаты, надо полагать, не заставят себя долго ждать... Миронов окончит свою карьеру в красной армии.

* * *

Бывший вольноопределяющийся Киквидзе начал карьеру в январе 1918 года, когда из председателей дивизионного комитета попал на должность начальника дивизии. С тех пор Киквидзе, то пропадая, то снова выплывая на поверхность моря большевизма, стоит во главе той или другой советской военной организации. Он по национальности грузин и около него всегда находится изрядное количество его соотечественников. Дивизия его знаменита настолько, что в советских кругах вместо реквизиции говорят – «киквизиция», и сообразно изменяют это понятие и дальше в том же роде: «киквизнул, киквизировал!..»

Дивизия грабит феерически, но хитрый начальник ее всегда от награбленного спешит уделить кое-что и голодающим советским деятелям, и главным образом, Москве.

Так было и в начале сентябрьского наступления дивизии от Елани. Киквидзе, взяв Мачеху и окрестные станицы, и награбив значительное количество всякого имущества немедленно послал в Москву особый поезд с мукой и зерном в подарок от дивизии. Такими средствами хитрый грузин твердо держится на своем месте и, несмотря на целый ряд его тактических самых грубейших ошибок, советская власть терпит Киквидзе и те ненормальности, которые имеются в дивизии. У него совершенно нет комиссаров, и он от них не зависит. Правда, у него есть многочисленные друзья из весьма знатных совдепцев, которые очень часто навещают его, как, например, братья Гузарские, которые состоят в совнаркоме. Благодаря этому и главное потому, что сам Киквидзе, конечно, много умнее и даже много сообразительнее в

военном деле, нежели Сиверс, его дивизия, несмотря на частые неудачи, стоит на хорошем счету у большевистского начальства. Дивизия была в армии Антонова-Овсеенко, знакомая Ростову и Новочеркасску по ее «киквизации», а потому очень хорошо снабжена всем необходимым и возит за собой многочисленные запасы награбленного богатства.

Сам Киквидзе храбрый человек и появляется лично в самых опасных местах.

До конца октября 1918-го года дивизия Киквидзе была наиболее стойкая и наиболее способная к маневрированию в регулярном смысле этого слова.

Сам Киквидзе любит командовать не только своей дивизией, но и всеми остальными частями, которых находились по соседству с ним. Эта особенность Киквидзе приводила всегда к крупным недоразумениям между ним и его соседями. Особенно он не ладит со своим левым соседом Мироновым. Скандалы между Киквидзе и Мироновым приняли затяжной и часто весьма комический характер. Так, например, в штабе юго-западного фронта в октябре прошлого года было несколько телеграмм от Миронова к Киквидзе и обратно. Стоили эти телеграммы свыше 10 тысяч рублей, так как они были адресованы по 15 и более адресам. В них «вожди» попросту переругивались между собою. В штабе долго решали, кто должен платить за эту частную корреспонденцию.

Киквидзе — один из наиболее энергичных и дельных в военном смысле начальников дивизий на фронте от Воронежа до Царицына включительно, но он же и один из наиболее бессовестных разбойников и грабителей. Это он разграбил конские заводы Харьковской губернии и Донской области. Без сожаления портил он лучших заводских производителей и забирал ценных маток под седла своих товарищей; в его кавалерийских полках, особенно под командным составом — выдающиеся лошади.

* * *

Из остальных лиц командного состава на донском фронте надо указать на командира бригады Захаревича, бывшего подполковника.

Это совершенно особый тип красного командира, народившийся лишь в самое последнее время на почве или хронического недоедания, или по отсутствию каких-либо нравственных устоев.

Весь нравственный и умственный багаж такого командира состоит в знании военного «Полевого устава». Это и по внешности и по внут-

ренному содержанию совершенно забитые люди, как они были забиты и в старое время. Им все равно перед кем сгибаться: был ли это старый «Держиморда», будет ли это новой формации «военный комиссар», прямой ставленник Троцкого. Вечно приниженный, вечно боящийся каждого комиссара, этот тип красного командира может оказаться достаточно вредным ибо, не сочувствуя всему происходящему, он тем не менее старается и лезет вон из кожи, чтобы получить милости вый кивок, не говоря уже о хорошей аттестации от какого либо незначительного комиссарика.

Наиболее опасными и совершенно непонятными типами являются типы, подобные молодому капитану Ролько⁵³, окончившему в 17-м году сокращенный курс Военной академии. Полные воинского духа, с утрированной отчасти дисциплиной все время титулующие старых генералов: «превосходительствами». Эти бывшие офицеры, вне всякого сомнения, но только не большевики и даже им не сочувствующие, но в глубине своей души попросту ярко настроенные против своего комиссарского начальства, они, тем не менее, служат большевистскому правительству так, что, даже опытному глазу конспиративного работника, очень трудно разобрать, какие причины руководят ими в настоящих их действиях. Единственными и самыми простыми причинами могут быть: отсутствие настоящей военной школы и воспитания и жажда возможности в таких молодых годах играть достаточно выдающуюся роль.

Однажды пришлось слышать такую реплику, поданную одним из подобных типов.

«Ну, что ж, что я работаю здесь. Куда деваться. А если придут добровольцы – сдадимся без боя, им тоже нужны люди».

К чести нашего офицерства надо сказать, что такие типы – редкие единицы, но они приносят большой, часто непоправимый вред всему делу освобождения родины от засилья большевиков.

---

4. КРАСНАЯ АРМИЯ

Старая армия перестала существовать примерно с подписания Брест-Литовского позорного мира⁵⁴. До этого подписания еще были уголки, где оставались призраки частей и признаки повиновения.

С этого самого момента начала существовать Красная армия, которая начала первые свои шаги приблизительно с момента взятия большевиками Киева в феврале 1918 года⁵⁵.

В марте этого же года красная армия начала отступление под напором немецко-украинских сил, с того времени, собственно, началась ее официальная история, с этого времени интересно проследить, как она видоизменяла свой облик. Весь период, который ведет непосредственно к теперешней борьбе, будет рассмотрен только постольку, поскольку он будет необходим для уяснения общего состояния красной армии, которая стоит твердо и относительно достаточно упорно сражается за чуждые ей интересы, которые ее руководители маскируют различными большевистскими лозунгами.

Против красной с ее интернациональными частями армии стоит возрожденная старая русская армия, ставящая задачу восстановления великой России. Победа в ней не за горами, но знать своего противника, надо. Указать его типичные черты и составляет задачу этой книги.

Киев переживал тяжелые минуты. Только что завершились кровавые дни большевиков, результатом которых было более трех тысяч офицерских трупов, поруганных и расстрелянных на панелях и в парке. Большевики под начальством Муравьева победили, но рада призвала на помощь немцев. Враг оказался у порога города. Штаб большевистских комиссаров был на посту Волынском. Среди комиссаров была тревога: они ожидали несколько тысяч «Печерских», из поступивших красногвардейцев, как тогда назывались наемные «совдепские» войска.

Наконец «армия» прибыла. Эшелон в полдюжине вагонов привез едва шестьдесят человек. Собравшимися тотчас на митинге было постановлено: всем без исключения выступить с оружием в руках против дерзкого врага.

Начальник эшелона, восемнадцатилетний Беркович доложил, что его люди дальше поста Волынского не двинутся, так как они взялись защищать город и от него не пойдут. Едва был окончен этот неутешительный доклад, как ввалилась группа из Печерской армии и громко стала требовать выдачи ей – непременно немедленно – по две пары чистого белья, ибо иначе ее съедят «воши». Народный комиссар был вне себя, но шестьдесят человек для него представлялись грозной силой. Беркович пошел уговаривать Печорскую армию.

Случайно запоздал какой-то паровоз, и комиссар мог сорвать всю злобу на неповинном дежурном.

– Если не будет паровоза – расстрелять! Вы умели повиноваться, когда приказывало старое правительство! – кричал в исступлении комиссар...

Почти месяц спустя... Красногвардейские армии южнорусских республик отходили по всему фронту перед немецко-украинскими силами. В уездном городе Харьковской губернии тревожное настроение: ожидают гайдамаков. Утром было белогвардейское выступление.

Сам командующий армией занят расставлением городских караулов. Один револьвер в руках, другой за поясом: «товарищи, тому, кто уйдет с поста, первая пуля в лоб». Ругательства так и висят в воздухе. Для того, чтобы «товарищи» не могли уйти с постов и отказаться или отговориться незнанием, принята целая система записи.

Настроение красной гвардии к офицерам, попадающим к ним в плен, очень неровное. В массе они очень злобны и другой фразы, как – выпустить ему кишки, чего с ним долго возжаться! – от них не слышно.

Три товарища из молодых ведут арестованного офицера на вокзал. Каких только издевательств он ни натерпелся, чем только ему ни угрожали, и каким только образом он достиг места назначения? Только слепым счастьем можно объяснить это. Но вот его же отправляют для следования в Харьков со строгим наказом конвойным: убежит, вы станете на его место! Конвойные – старые солдаты и сразу чувствуется совершенно другое отношение. Правда, стеречь стерегли, ибо кто же хочет быть расстрелянным, но рассуждения о моменте, сожаление о былой славе и могуществе России, давало понять, что они люди отличные от первых. Между тем они отлично знали, что сопровождают бывшего офицера на верную смерть, а потому им рисоваться не было необходимости.

В этот период таковое двойственное состояние армии «совдепской» власти было как правило, и всякому, кто близко с нею мог познакомиться, таковая двойственность первым долгом бросалась в глаза.

Конец марта и весь апрель немцы особенно усиленно продвигались в глубь нашей территории. Среди многих деятелей всяких оттенков укрепилась мысль, что она является только угрозой самим же большевистским властям. И эти власти принялись энергично, а вместе с тем и с большой осторожностью проводить исподволь реформы преобразования армии на старый лад. А раньше всемогущий институт комиссаров мало помалу из полновластных хозяев превратили только в политических деятелей.

Таким образом мы подошли к интересующему нас периоду, когда большевистская армия стала на путь тех преобразований, которые, начиная с времени ее наиболее интенсивных боев с силами всего Юга России, привели эту армию к ее теперешнему состоянию.

В период подписания Брест-Литовского мира для большевиков армия, даже таковая, как она была, представляла явную угрозу. Недолго думая, были приняты меры для развала армии. Меры эти всем известны и состояли в отмене воинской повинности, а главное в отмене системы назначения начальства. Наемный солдат и выборный командир – вот те принципы, на которых производилась постройка новой красной армии.

Но уже в мае совдепские власти увидели, что при помощи этой системы они никогда не будут в состоянии справиться не только со своими врагами, но и со своими же войсками. Надо было принимать экстренные меры по преобразованию армии.

Как уже не раз мною было указано, советские власти и в этом вопросе проявили массу гибкости и понимания момента. И если раньше власть отрицала принцип принудительной воинской повинности и необходимость института командного состава по назначению, то, испытав нужду в настоящей воинской силе, эта же власть, спустя только три месяца, открыто перешла к только что отвергнутой ею системе комплектования и управления. В мае против Дона и добровольческой армии стояли красноармейцы, набранные в армию еще по старому принципу вольнонаемных войск. Но уже в конце мая вновь присланный военный комиссариат Кавказского военного округа должен был приступить к переформированию всех наемных частей по новым принципам сначала полунаемных войск для ближайшего перехода к системе мобилизации и полному принуждению.

В этот период времени в Царицыне, где располагался штаб округа, находилась масса самых разнообразных частей войск красной армии: начиная от остатков армии главковерха Антонова-Овсеенко до самочинных шаек, организованных предприимчивыми вольными атаманами, всех видов и наименований.

Кого только между этими атаманами не было: и бывшие каторжники, и бывшие присяжные поверенные, все формировали отряды на защиту революции. Значительное количество предводителей, и надо сказать наиболее удачных, вышло из старых унтер-офицеров, главным образом, из кавалерийских полков.

Случаи неповиновения на фронте в это время была общим правилом. Если удавалось сдвинуть какую-либо часть и перевести ее из одного места в другое, то надо было помнить, что вновь передвинуть ее не будет никакой возможности. Ни войска, ни их начальство в то время не признавали никакой отчетности и самым заурядным явлением было то, что перед выполнением какого-либо приказа войска ставили ультимативные требования об уплате им жалования за совершенно мифические неуплаченные месяцы, а так как ни списков, ни учета людям не велось, то в частях происходили колоссальные хищения. Вся хозяйственная часть велась каким-либо малограмотным бывшим писарем и он настойчиво требовал уплаты, в большинстве случаев подкрепляя свои требования угрозой того, что товарищи разойдутся.

Сам по себе уход какой-либо части, конечно не представлял большой опасности в смысле обнажения фронта, но люди, расходясь вооруженными, становились форменными разбойниками. Начальники этих самочинных банд отлично сознавали, что в их руках сосредоточена настоящая сила, а потому считались с местными властями только постольку, поскольку им это было выгодно. Образно выражаясь для обеих сторон: «худой мир был лучше доброй ссоры».

Наиболее типичным из таких мелких предводителей был некто товарищ Черняк, с принадлежащим ему полком, который сплошь состоял из шахтеров различных южных рудников. Этот полк «Черняков», как его называли в Царицыне, отличался всеми достоинствами «революционных товарищей».

Однажды в Красном Царицыне Черняк явился к комиссарам с заявлением, что его вольница постановила: «бросить южный фронт и отправится вверх по Волге для самостоятельных действий против белогвардейцев, занявших Самару и другие города на Волге. Причина такого постановления крылась в том, что эти разбойники ограбили всю округу, в которой находились на отдыхе, и им улыбалась возможность начать грабеж в еще не тронутых «товарищами» северных губерниях.

Трудно себе вообразить каких только требований не предъявляли эти «Черняки» своим комиссарам. Но положение на фронте Царицына в то время для «советской власти» было более чем критическое, и

народные трибуны долгое время нянчились с этой бандой, пока она не рассосалась сама собой.

Особого внимания заслуживали части, сформированные так называемым революционным способом из рабочих различных шахт и рудников. Кроме Черняка, была известна своими похождениями и грабежами часть именовавшего себя бывшим прапорщиком, товарища Шамова*). Шамов в штаб являлся всегда совершенно пьяным. Каждое его появление непременно сопровождалось денежными требованиями исключительных размеров и ясными угрозами за неудовлетворением их покинуть фронт и отойти в неизвестном направлении.

Такие положения и столь разнообразная преступная среда в которой пришлось работать многим верным сынам России на пользу общего дела, конечно давала много случаев для того, чтобы воспользоваться столь благоприятной обстановкой путем, якобы законных придирок, отказов в удовлетворении этих чрезмерных требований вносить необходимое раздражение и взаимную ненависть и подозрение. Правда, в этом случае работа становилась весьма опасной и грозила каждый данный момент самосудом, но, описание того, как сложилась эта работа и многие ее подробности которые будет возможно довести до всеобщего сведения, пока необходимо отложить до следующих очерков. Весьма важным обстоятельством, которое очень много помогает нам при борьбе с большевиками, являются их внутренние нелады, причина которых кроется в возможности для каждого весьма быстро сделать революционную карьеру. Но, конечно, для движения вперед необходимо и в «совдепии» иметь подлежащую вакансию. И вот для очистки таковых вакансий употребляются все возможные средства, излюбленными из которых конечно состоят в интригах друг против друга.

Образно выражаясь, их грубые интриги выливаются в самые простые сплетни друг против друга. Каждый интимный разговор с глазу на глаз, с каким бы то ни было хотя бы самым маленьким деятелем, непременно кончался конфиденциальным сообщением, конечно, по секрету, то его начальнике (читай «конкурент») непременно белогвардеец, на повешение которого у него в кармане имеется мандат, который он в данный момент, к несчастью, не захватил. Представьте себе изумление такого неопытного, случайного поверенного, когда к нему приходил только что обвиненный в белогвардействе и немедленно же также под страшным секретом сообщал, что он ничего не может сделать только потому, что такой-то из его подчиненных, сей-

---

*) Шамов был некоторое время комиссаром по борьбе с контр-революцией в Ростове и прославился грабежами настолько, что даже комиссары воздвигли на него гонение, и он принужден был покинуть город.

час отсюда вышедший, вне всякого сомнения отъявленный давнишний белогвардеец, на повешение которого у него имеется мандат, который он только случайно позабыл. Вот в каких курьезных положениях приходилось бывать и, конечно, легко их использовать для дела.

Все «товарищи» отличаются недоверчивостью по отношению друг друга, и эта недоверчивость часто выливается в указанные курьезные формы.

Что касается дисциплины в красной армии, то сказать, что ее нет — нельзя, но она выливается в столь уродливые формы, которые превосходят всякие представления о возможной суровости. Это не систематически жестокие наказания, а просто дикий произвол дикого же зверя, которому совершенно случайно в руки попал револьвер. Приходилось наблюдать сцены, когда за один намек на возможность неисполнения приказа, командир полка с пеною у рта набрасывался на своих подчиненных и, грозя им револьвером, заставлял выполнять приказы, не останавливаясь, в случаях, основанных исключительно на его личном усмотрении, производить выстрелы в упор. С другой стороны, те же самые командиры часто бывали поставлены в положение, когда ни их авторитет, ни присутствие высоких комиссаров не гарантировало от открытого неповиновения.

Психика теперешнего солдата красной армии чрезвычайно сложна и, без сомнения, заслуживает серьезного детального рассмотрения и разработки.

Кроме вышеописанных типов и общего характера распушенности, разврата, безнадежной дикости нравов и полного отрицания всего святого, необходимо подчеркнуть, что старый «русский солдат», старый «Чудо богатырь» Суворова продолжает жить. И никакие красные идеи не заглушат в русском солдате тех искр доблести и сознания его долга, как только эта масса вновь почувствует ту точку опоры, которую ее заставили потерять.

Среди этой темной массы, распропагандированной самыми грабительскими и наиболее легко усваиваемыми идеями отбирания чужого имущества и полной безответственности в деяниях против высших классов, всегда находится известное количество старого основательного элемента, который часто с опасностью для жизни способствует проведению идей государственности в том смысле, как мы это понимаем, а часто и более безыскусственно, а следовательно и наиболее приемлемо для воссоздания нашей Родины.

Все сказанное можно подтвердить примерами, например, когда приходилось выполнять наиболее сложные и опасные предприятия, находясь в положении начальника или когда приходилось срываться

на каком-либо предприятии и попадать в наиболее неприятное положение арестованного по подозрению в белогвардействе, контрреволюции тож, то и тогда случалось найти старого солдата, который вспоминал старое доброе время, старые добрые отношения и не только готов был многое сделать совершенно бескорыстно, но часто делал многое такое, что было далеко небезопасно для него самого.

Вне всякого сомнения трудно было отличить в этих поступках и предложениях, где оканчивается обман и желание выпытать, и где начинается бескорыстное желание помочь человеку в бывшем и настоящем положении которого, он привык всегда видеть настоящего хозяина и руководителя и к авторитету которого он готов прислушиваться и сейчас.

К услугам таковых случайных помощников и часто спасителей жизни приходилось прибегать не раз. Инстинкт и, вероятно, слепое счастье не позволили попасть на «осведомителя», как теперь называются «совдепские» сыщики; а потому из практики необходимо вывести непреложный вывод, что там, за рубежом линии красной армии, есть не мало безыскусственно и горячо любящих свою Родину и ее величие верных ее сынов. Надо только уметь их найти, правильно к ним подойти и тогда успех нашего святого дела будет столь молниеносен, что все настоящие виновники общей разрухи не избегнут должного возмездия.

«БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ»

Пишущий эти строки имел возможность и задачу непосредственного наблюдения за «советской» армией. (Задача и возможность для меня такового наблюдения уже освещалась мною в «Донской Волне».

Что офицеры делают на «той» стороне?

Верхи большевизма необычайно изворотливы и в средствах не стесняются. Политическая окраска и ориентация их равносильны окраске хамелеона. Вынужденные спасать свою шкуру, они, не задумываясь, снимают шкуру с первого попавшегося. Офицеры, пережившие трехкратный переворот, были предоставлены сами себе, стояли перед почти неразрешимой задачей – где истина?

С одной стороны мир... С другой – беззастенчивое продвижение наглых победителей в глубь истерзанной России. С одной стороны – ненавистная власть большевиков... С другой – необходимость создать какую-либо вооруженную силу, хотя бы призрак ее для отпора немцам.

Не надо забывать, что армия сама по себе имеет сердце, душу и ум, а потому, раз только в ней установится какой либо порядок, она, конечно, сумеет разобраться, где правда и сама найдет себе достойного вождя.

Не успевшие уйти на юг офицеры пошли волей-неволей в красную армию. Но когда наступление германцев было ликвидировано, почему они не ушли?

Много есть ответов на этот вопрос. Все мероприятия большевиков против ненадежного для них элемента, каковым являются, вне всякого сомнения, офицеры, направлены именно в сторону борьбы с «последними могиканами» долга. И надо отдать должное нашим врагам, что бороться они умеют и в этом отношении проявляют настойчивость и удивительную изобретательность.

Они ввели для офицеров так называемую круговую поруку. Она состоит в том, что, если летчик из офицеров улетит в «белогвардейский» лагерь, то определенное количество летчиков данной группы будут расстреляны. Эти условия заставляют многих подозрительно относиться к своим сослуживцам и делают почти невозможным разного рода соглашения. Кроме всего система при отлетах на разведку принята следующая: аппараты никогда не выпускаются группами и без комиссара доступа к аппаратам летчики не имеют.

Семейная порука средство еще более безнравственное, но тем не менее весьма распространенное в «совдепии». В середине сентября нового стиля все штабы красной армии получили весьма определенный приказ: немедленно сообщать имена и фамилии служащих с неременным указанием места нахождения их семейств. В приказе было подчеркнуто: «за последнее время участились побегі начальствующих лиц в сторону контр-революционеров. В виду этого семейство каждого бежавшего должно быть отдано в распоряжение местной комиссии по борьбе с контр-революцией. За неисполнение такового приказа виновные будут караться и т. д.».

Вот в кратких чертах те условия, в которых протекает жизнь в «совдепии», а исходя из них и также из многих других обстоятельств, можно разделить всех находящихся там офицеров на следующие главные группы. Первая – наиболее развитая и с наибольшим процентом офицеров генерального штаба, добровольно пошедшие на службу в советские войска в марте, апреле и мае 1918 г. Большинство из них шло во имя идеи: «сопротивление германцам во что бы то ни стало». Эти офицеры шли в армию на вольнонаемных условиях. Многие из них ставили неременным условием отправление на фронт

против наступавших немцев и неупотребление частей, в коих они служить, в гражданской войне.

Таковые условия «совдепцами» принимались, но уже в конце мая все офицеры, ставившие таковые условия, были взяты на учет и посланы на различные внутренние фронты. Многие из числа этой группы поплатились своей головой за свое доверие к большевикам и за свою слепую любовь к родине. Они шли тогда в красную армию на муку и унижение. Эти мученики за идею шли командовать туда, где их поносили, избивали и издевались над ними. В конце же концов они были поставлены перед необходимостью идти против тех, на кого не поднималась у них их рука.

Весной 1918 года на Волжском фронте им было указано, что правительство считает Сибирский фронт внешним.

И... Многие сложили свои головы за твердость своих убеждений.

Но эта первая группа наиболее сильных духом и убеждением людей. И из них многие уже здесь – на юге. Вторая группа состоит из офицеров более слабых, как в нравственном так, вероятно, и в умственном отношении. Это люди принужденные к таковой службе голодом, нищетой и прочими условиями советской жизни. Но в некоторое их оправдание надо сказать, что все они были оставлены без всякой нравственной поддержки извне. Это та середина, для которой необходим не только временный пример, но и постоянное наблюдение.

К этой группе принадлежат в большинстве случаев и лица, обремененные большими семействами. В настоящее время они все связаны по рукам и ногам «семейной порукой». Но и из них могут найтись преданные идее «Великой России», надо только разбудить в их душах тлеющую искру мужества, и они покажут, в их сердцах живет чувство долга, и мужество их не покинуло.

Однажды довелось слышать такие слова:

– Да, я служу, но я употребляю все усилия, чтобы моя служба не шла на пользу. Я знаю, что меня за это могут расстрелять. На это у меня хватит мужества. Я сумею умереть. Но убежать, бросить мать, жену и детей на муки, на, быть может, медленную смерть, я не могу, даже если мне грозит таковая же смерть от тех, кто имеет полное право считать мой поступок изменой долгу и чести.

Третья группа добровольно и на свой страх и ответственность организует всевозможные «бело-гвардейские» мятежи и восстания.

В объяснении ее появления необходимо сказать, что в виду обширности нашей территории и полного отсутствия связи с крупными организациями, наиболее энергичные, деятельные и наблюдательные лица, по многим причинам решили, что они могут принести значи-

тельную пользу общему делу, придерживаясь идеи, что общность задачи борьбы с большевиками должна объединять все партии. А потому, часто расходясь в принципах, в основной идее борьбы они проявляют полную солидарность. В Царицыне противобольшевистская офицерская организация не принадлежала ни к одному лагерю, т. е. ни к донским казакам, ни к добровольцам, но тем не менее, как только ее руководители узнали что их выступление может помочь общему делу борьбы против большевиков, она, не задумываясь согласилась предоставить все свои силы для борьбы.

Для этих трех групп необходима особая мерка, необходимо особое отношение.

Они без сомнения представляют из себя частью явный, а частью скрытый сочувствующий нам элемент.

Многие из них добровольно, часто без всякой надежды в будущем оправдать свое поведение, всеми своими силами содействуют идеям обновления «Великое России».

Нельзя обойти молчанием довольно распространенный тип «выжидающих» офицеров. Это четвертая группа, трусливо ждущих: «чья возьмет»?

Пятая группа едва ли многочисленна в смысле нахождения там лиц из старого офицерского состава и даже из офицеров самого позднейшего производства. Это офицеры, идейно вошедшие в орбиту большевизма. Таких, как уже сказано, минимальное количество, и число их все уменьшается и уменьшается, ибо, разочаровавшись в идеях коммунизма и способах его насаждения, они в большинстве случаев или покидают партию или только ждут удобного момента, чтобы сбросить с себя иго, которое их тяготит.

Шестая, последняя из разбираемых групп: люди, которые намеренно и обдуманно изменили своему долгу. Среди них тоже есть градации и различные нюансы. Приведем крайние из них.

Большинство прикрывает свое служение большевизму громкими фразами о долге по образованно военной силы России вообще, причем в зависимости от политического момента сами поводы к службе меняют их платформы. Это скользкий и мало уловимый тип, который никогда не бывает откровенным и разбор причин, побудивших их вступить в связь с «совдеповским» правительством, будет чрезвычайно сложен.

Меньшинство более откровенно: они открыто изменили своему долгу, связав свою жизнь и судьбу с большевизмом, внутренне отнюдь к нему не принадлежа. В истинных разговорах, они с откровенным цинизмом заявляют, что:

– «Я, конечно, не большевик и таковым не могу быть, но мое внутреннее убеждение, что победа будет на стороне «совдепии», а потому чем мне быть повешенным, лучше я сам буду вешать. Конечно, я не разделяю идей, которые проводятся «наркомаами», но мне хорошо платят, и я могу не только сделать карьеру, но и спасти себе жизнь, ибо:

«Грядет революция, которая вспыхнет не сегодня-завтра.

Вот откровенный цинизм некоторых. Правда, такие типы можно считать только единицами.

Указанные шесть групп являются наиболее рельефными. Вне сомнения есть различные переходные одна от одной к другой, но названные представляются наиболее типичными.

«БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ» В СОВДЕПИИ

Добровольческая армия⁵⁶ совместно с силами славного старого казачества двигается в глубь России, сметая большевистские полки, которые пытаются выставить против них Троцкий и Ленин.

Эти властители советской России называют силы, наступающие против большевиков, «белогвардейскими бандами». Не будем вдаваться в полемику и доказывать, как нелепо и по детски наивно такое название. Дело не в названии. Большевики давая презрительное название «банды», тем не менее усердно отступают, хотя численностью всякий раз значительно превосходят своего презираемого, по названию противника.

Последний продвигается в глубь России и продвигается, по видимому, без всякого содействия, за исключением помощи союзников. Но мне, побывавшему в совдепских комиссарских тайниках, ясно В самой России у нас есть могущественные и весьма деятельные друзья, которые причиняют совдепам и комиссарам весьма и весьма много хлопот, облегчая тем самым нашу общую задачу. Я говорю про так называемые «белогвардейские» или, что то же, на языке многочисленных «чрезвычайек⁵⁷», «контр-революционные» организации.

Одно только подозрение, что таковая организация может иметь место в городе, который облечен всеми преимуществами свободной коммуны, заставляет комиссаров держать многочисленный гарнизон. Поэтому в каждом таком городе имеется штаб обороны и всем известная «чрезвычайка» по борьбе с контр-революцией. В этих учреждениях всегда, днем и ночью, находятся значительные силы, которые в каждый данный момент должны быть готовы для выхода против

взбунтовавшихся «белогвардейцев». Проникнуть в такой штаб или чрезвычайку даже для лиц, обладающих всякими «мандатами», чрезвычайно трудно и подчас, если «чрезвычайщик» не совсем в духе, даже опасно. Всюду расставлены пулеметы, расхаживают часовые и в распоряжении главных лиц, ими заведывающих, находятся обширные резервы и боевые запасы, расходовать которые никакой другой даже самый важный начальник не имеет права. Это обставлено с такой строгостью, что когда в октябре прошлого 1918 года экстренно понадобились силы для борьбы с восставшими рабочими Ижевского и Камско-Воткинского заводов, то самому Троцкому пришлось улаживать конфликт, который создался между Вацетисом и главным комиссаром «чрезвычайки» на той почве, что первый требовал, а второй не хотел дать сил; оба для поддержки своих требований грозили уходом и каждый в оправдание своей настойчивости указы вал, что положение, в котором находится порученная ему отрасль, почти критическое.

Все это показывает, насколько важным считается в совдепии вопрос по борьбе с «бело-гвардейскими» организациями.

Для этой борьбы содержатся силы, которые весьма трудно использовать на какую либо другую цель. Каковы же эти силы?

В конце 1918 года таковых сил в распоряжении «чрезвычайки» находилось свыше семидесяти тысяч человек только одной пехоты, исключая небольшого количества кавалерии и весьма большого числа бронированных автомобилей, на неуязвимости которых в уличном бою, при отсутствии у восставших артиллерии, основывается все сопротивление. Ко всему этому надо добавить значительное количество пулеметов, приданных этим частям. Точное количество броневигов, предназначенных для этой цели, мне неизвестно, но если принять во внимание, что в Царицыне таковых было шесть и притом весьма могущественных, в Балашове – три, в Козлове – целый дивизион из шести, то надо признать, что «Белогвардейские» организации оттягивают значительные силы от активного фронта.

Вне всякого сомнения, красным комиссарам нельзя рисковать отправкой на фронт этих сил, ибо проникнувшие во все места «белогвардейцы» немедленно будут знать о таковой отправке и без сомнения используют создавшуюся обстановку в свою пользу; а так в прифронтовой полосе необходимость таковой отправки всегда совпадает с приближением фронта на близкое расстояние, это дает наибольший шанс на успех восстаний.

Красные давно учли эту опасность, учли также и важность таковых организаций в тылу у «Белой гвардии» и употребляют все усилия для создания таковых же «красных» организаций.

Надо полагать, что кроме важности восстания, «белогвардейские» организации приносят немаловажную пользу нашим войскам, при взятии ими тех или других важных в военном смысле мест, давая точную информацию всего положения и, главное, представляя из себя готовый кадр людей, точно осведомленных не только о силах, но часто и о всех замыслах местных большевистских главарей.

В этом материальные заслуги «белогвардейских» организаций: но не только одни материальные заслуги на их стороне. Для того чтобы работать на так называемый активный саботаж надо иметь много присутствия духа, нервов и решимости. Не одна тысяча этих скромных неизвестных работников положила свою жизнь в разных застенках «чрезвычайек».

За примерами ходить далеко не надо: всем известно ярославское «белогвардейское» восстание, которое правда, оказалось несвоевременным и было ликвидировано большевикам с неслыханной жестокостью, но ошибка во времени отчасти искуплена той паникой, которая была внесена в ряды комиссаров: то же было и во взятом Царицыне, где организация офицеров на платформе Учредительного Собрания, хотя и не выступила активно, но, тем не менее, оттягивала все время силы красных стратегов для поддержания порядка в городе и обеспечения за собой этого важного узла железных и грунтовых дорог.

Они рвутся к армии, спасающей Россию, но сложные обстоятельства жизни заставляют оставаться в «совдепии» и нести трудную и неблагодарную работу, которая чревата всякими непредвиденными опасностями; враг в большинстве случаев невидим и мало уловим, и самая малейшая оплошность грозит неминуемой и беспощадной расправой, ибо комиссары, спасая свою жизнь и свое привилегированное положение, миловать не только не умеют, но и не хотят.

---

5. ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ЦАРИЦЫНА

Пал «красный Царицын», а вслед за ним один за другим переходят в наши руки самые жизненные центры, самые важные узлы путей сообщения «совдепии», а вместе с тем гигантскими шагами приближается и час падения власти людей, заливших кровью Россию.

С весны 1918 года Царицын трижды находился под угрозой армий, стремящихся создать вновь нашу Великую Россию, но каждый раз благодаря разнообразным причинам, Царицын продолжал оставаться в руках «красных». Чьи и какие были ошибки, бывшие причиной того, что каждый раз взятие Царицына отсрочивалось на более продолжительное время и часто стоило нашей стороне больших материальных потерь и потрясений, здесь не место и не время разбирать – это дело беспристрастного историка.

Но в данный момент должно быть небезынтересно знать те настроения, которые охватывали каждый раз руководящие сферы «красных», когда их левому флангу, крепко припертому к Волге в самом ее важном стратегическом пункте, угрожала фактическая опасность.

Первый раз это случилось в самых первых числах августа 1918 года. Потеря Царицына угрожала отдать всю среднюю часть Волги в руки «белой гвардии». Руководители большевиков поняли грозящую им опасность, и народный комиссар Сталин-Джугашвили настоял на широких уступках левым эс-эрам в лице их могущественной организации среди рабочих «Грузолеса» в Царицыне. Только благодаря сделанным уступкам рабочие этого союза пошли в красную армию и составили ту главную силу, которая по мимо других причин, не от большевиков, позволила им удержаться в городе.

Вторично в таком же опасном, если не более опасном, положении Царицына был в начале октября того же года и тогда благодаря непосредственной угрозе Воронежу, стратегическое положение вообще, конечно, было значительно более серьезным.

В ставку главковерха Вацетиса летели телеграммы за телеграммами, не только от Сталина-Джугашвили, но и от его сподвижников: Царицын доживает последние часы, если не поможете людьми, снарядами и

амунией, часы города сочтены. Исправить же положение в будущем мы не в состоянии. Можно легко понять состояние духа главковерха Вацетиса и его комиссара и друга Данишевского, когда они получили столько угрожающую депешу, а если к этому прибавить срочную телеграмму, что Вольская дивизия, которую Вацетис срочно выслал на пароходах вниз по Волге в Царицын, у Вольска и Саратова вся разбежалась, и ее командир доносил, что собрать ее у него нет никаких средств, то картина получалась весьма неутешительная. Но... и в октябре счастье улыбалось красным и Царицын, рассудку вопреки, наперекор стихиям, – остался в руках «красных». Между тем всего только за несколько дней, за какой-нибудь их десяток, в шикарных поездах вершителя судеб России Троцкого, Вацетиса и бывшего генерала Павла Павловича Сытина, шли дни и ночи совещания о стратегическом положении на юге России вообще и в частности о значении тех или других важных железнодорожных узлов. Царицын-Балашов-Поворино-Лиски в частности и Воронеж вообще были под угрозой удара неприятеля тогда только одних казаков Дона на Юге собиралась только, так называемая, Южная Армия⁵⁸.

Удар на «красные силы» ожидался в направлении с юга. Тогда было принято важное решение – не ожидать начала удара, но нанести его первыми и в самых важных направлениях. (Об этом плане, силах назначенных для его выполнения и их качестве, пишущий эти строки своевременно осведомил Главное военное Всевеликого Войска Донского⁵⁹ управление). Но кроме этого главного активного плана, который к счастью не только не мог быть выполненным в то весьма тяжелое время для нас, но не удался и весной 1919 года, там разбирался также и план обороны, если бы на фронте начались неудачи и «красные гвардейцы» потеряли бы такие пункты, как Царицын, Балашов, Поворино, Лиски, и угроза Воронежу была бы уже не проблематичной, но реальной. А подобная катастрофа для красных была вполне возможной, ибо их части в то время сплошь и рядом давали громадный процент дезертирствующих частей.

В настоящей момент некоторые из этих пунктов уже перешли в руки наших войск, а потому весьма интересно сравнить настоящее положение с теми предположениями, которые делали «красные» quasi-стратеги и их военные руководители в начале октября 1918 года.

В виду особой важности Царицына разбор начался с этого пункта.

С падением Царицына важнейшее значение получают Балашов и Поворино. В особенности Балашов, так как с его падением создается непосредственная угроза тылу войскам, находящимся в Саратове.

Поворино, а вместе с ним и Балашов, в частности важны, как пункты, с падением которых будет потеряна возможность легкой и

быстрой переброски войск в прифронтовой полосе, что, при отсутствии у «красных» конницы, было особенно чревато последствиями, и обращало на себя их особенное внимание. При потере этих пунктов положение признавалось весьма тяжким; и тогда возникал вопрос о напряжении всех сил для восстановления основного положения, это первое и самое важное, а второе и не менее важное, к чему обстановка настоящего момента приведет в самом скором времени, начинался разбор вопроса: что необходимо предпринять для защиты узловых жизненных центров на главных подступах к Москве, это раз, второе: немедленно начать их подготовку к оборудованию надежной охватывающей базой для энергичного перехода в наступление, как только к этому будет возможность.

Настоящее охватывающее положение большевиков при том, что они имели большое преимущество в железных дорогах, всегда настолько давало им преимущества, что поняли и усиленно на этом настаивали.

В дальнейшем было разобрано значение таких больших узлов железнодорожных путей, как станций Грязи и Козлов, с захватом которых создается непосредственная угроза самой Москве, а, кроме того, неприятель выходит в тыл всем войскам, расположенным на средней Волге и становится на их путях сообщения с Москвой, нарушая весь порядок перевозок и т.д. В виду этого было решено немедленно приступить к укреплению этих важных пунктов, дабы в нужный момент иметь время для сбора резервов и парирования могущего произойти удара.

Совещания эти шли 6, 7 и 8 октября нового стиля 1918 года, и что из них выполнено, и что осталось исключительно в области предположения сказать, конечно, трудно, ибо с той поры многие деятели большевиков переменились. Но надо отдать им справедливость, у них есть хорошая привычка иметь стенографические отчеты всех важных заседаний. Троцкий еще наверху, а потому позволительно думать, что некоторые вопросы могут быть вынуты из архива и, если не целиком, то может быть отчасти будут использованы или послужат канвой для решения назревающего вопроса об обороне.. Нынешний момент для них похож на прошлогодний с той только границей, что обстановка теперь для них значительно труднее. Вместо отдельных командований они имеют против себя единую власть, одно общее командование, одно общее управление Великой России, которая железным кольцом сдавливает их со всех сторон. Их положение теперь как нельзя лучше напоминает положение армии, целиком загнанной в крепость, в которой ей грозит неминуемая сдача на милость и суд победителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Минин Сергей Константинович* (1882–1962), из семьи сельского священника, член партии большевиков с 1905 года, учился в университете в Вене, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В 1917–1918 гг. пред. Царицынского комитета РСДРП(б), пред. Царицынского Совета. С сентября 1917 по июнь 1918 городской голова Царицына. Член ВЦИК 2-го созыва. В декабре 1917–июне 1918 пред. штаба обороны Царицынского совета, в апреле–июле 1918 г. царицынский военком. В июле–сентябре 1918 г. член Военного совета Северо-Кавказского военного округа. В сентябре–октябре 1918 г. член Реввоенсовета Южного фронта, одновременно в сентябре – ноябре 1918 г. член Реввоенсовета 10-й армии. В ноябре 1918 – июле 1919 член коллегии НКВД. Делегат 8-го съезда РКП(б), примыкал к «военной оппозиции». В июле – сентябре 1919 г. член РВС 10-й армии. С ноября 1919 г. пред. Екатеринославского ревкома. В мае 1920 – мае 1921 член РВС 1-й Конной армии. Делегат 9-го и 10-го съездов РКП(б). С 1921 года на военно-политической и административно-хозяйственной работе. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

² *Ерман Яков Зельманович (Зиновьевичем)* (1896–1918), сын мелкого торговца, член партии большевиков с 1915 года, студент Петроградского политехнического института, член Выборгского райкома РСДРП (б) в Петрограде, с мая 1917 года член Царицынского комитета партии и Исполнительного бюро Совета, возглавлял городскую думу и управу. В октябре 1917 – июле 1918 гг. пред. Исполкома Царицынского совета, одновременно в декабре 1917 – июле 1918 член штаба обороны Совета и председатель комиссии по формированию частей Красной Армии. Член ВЦИК. Участник подавления левоэсеровского мятежа 1918 в Москве. Смертельно ранен 17 июля на пристани в ст. Николаевской, близ Камышина.

³ *Власть на местах – вот наш главный и руководящий принцип* – в 1917 году, разваливая старый управленческий аппарат, большевики поощряли местный сепаратизм и наделяли местных представителей власти неограниченными полномочиями; с середины 1918 года большевики начали проводить политику «собирания земель», чему местные «вожди» зачастую противились, отсюда и указанная фраза С. К. Минина.

⁴ *Зедин (Зиединьш) Карл Янович* (1885–1919) – из крестьян. Член РСДРП(б) с 1904 года. Окончил школу морских прапорщиков. Участник 1 мировой войны. Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов. Командовал отрядом моряков при

штурме Зимнего дворца. Участник 1-й делегации по мирным переговорам с Германией в Бресте. С декабря 1917 член Севастопольского ВРК и Черноморского Центрофлота. С мая 1918 г. комиссар Северо-Кавказского военного округа. В июле – августе 1918 года комиссар Волжской военной флотилии. С апреля 1919 г. нач. Морского управления Советской Латвии. Погиб 22 мая 1919 г. в боях за Ригу.

5 ...*положение Царицына и южных большевистских армий стало очень тяжелым* – в июле 1918 года Донская армия начала наступление на Царицын; советские войска здесь в это время состояли из местных царицынских формирований и отрядов 3-й и 5-й Украинских советских армий, отошедших на территорию РСФСР с территории Донбасса; в ходе начавшихся боев эти «армии» и местные отряды были переформированы в боевые участки, а затем в дивизии.

6 *Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович* (1879–1940) – сын помещика, в РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) с 1917 по 1927 гг. Один из организаторов Октябрьской революции и создателей Красной Армии. В октябре 1917 года председатель Петроградского совета; с 8 ноября 1917 по 8 апреля 1918 г. нарком по иностранным делам; с 14 марта 1918 по 26 января 1925 г. нарком по военным и морским делам; с 6 сентября 1918 по 26 января 1925 г. председатель Реввоенсовета Республики; в 1919 – 1926 гг. член Политбюро РКП(б) – ВКП(б); с 1923 г. лидер внутривластной левой оппозиции; в 1927 г. снят со всех постов, в 1929 году выслан из СССР. 21 августа 1940 г. убит на территории Мексики.

7 *Военный комиссариат и штаб округа* – Северо-Кавказский военный округ был создан декретом СНК от 4 мая 1918 г.; управление округа в мае 1918 г. формировалось в Москве, с 18 июня находилось в Царицыне. Окружным военкомом были К. Я. Зедин (10 мая – 28 июня 1918 г.) и Н. А. Анисимов (28 июня – 19 июля 1918 г.), военным руководителем – А. Е. Снесарев (4 мая – 23 сентября 1918 г.). 19 июля 1918 г. окружной военный комиссариат был заменен Военным Советом округа, в который вошли И. В. Сталин и С. К. Минин, военными руководителями стали А. Н. Ковалевский, а затем К. Е. Ворошилов.

8 *Ворошилов Климент Ефремович* (1881–1969) из рабочих, слесарь. В партии с 1903 года. В 1917 году пред. Луганского совета. Делегат 6-го съезда РСДРП(б) и 2-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. Один из организаторов ВЧК. С марта 1918 г. участвовал в боях против немцев на Украине. С апреля 1918 г. командующий 5-й социалистической украинской армией, отступал с ней через территорию Дона к Царицыну. В июле-августе 1918 г. командовал группой войск при обороне Царицына. В августе-сентябре член Военного совета СКВО, в сентябре-октябре член РВС Южного фронта, в октябре-декабре 1918 г. командующий 10-й армией. С января 1919 г. нарком внутренних дел Советской Украины. Делегат 8-го съезда РКП(б), примыкал к «военной оппозиции». В июне-июле 1919 г. командующий 14-й армией и внутренним Украинским фронтом, в ноябре 1919 – мае 1921 гг. член РВС 1-й конной армии. В 1921–1924 гг. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. С 1926 по 1960 гг. входил в Политбюро ЦК и Президиум ЦК, с 1925 по 1940 гг. возглавлял военное ведомство

Советского Союза, а с 1953 по 1960 гг. был Председателем Президиума Верховного Совета СССР – формальным главой государства.

¹ *Армии южного главковерха Антонова-Овсеенко* – Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1939), из семьи офицера, окончил юнкерское училище. В РСДРП с 1903 г., в РСДРП(б) с июня 1917 г. В октябре 1917 г. секретарь петроградского ВРК, один из руководителей штурма Зимнего дворца и ареста Временного правительства. В декабре 1917 – марте 1918 командующий советскими войсками, действующими против войск Каледина и Украинской Центральной Рады. В марте–мае 1918 г. – Верховный главнокомандующий советскими войсками Юга России, которые одновременно считались войсками Советской Украины. Эти пять армий после перехода границы Украины и России по договоренности РСФСР и Германии подлежали расформированию, однако их личный состав влился в ряды Красной Армии. В дальнейшем А.-О. командовал группами войск и фронтами, был на хозяйственной и дипломатической работе, военным советником в Испании.

² *Разгром большевиков под Ростовом и Новочеркасском* – наступающие вслед за войсками Антонова-Овсеенко германские войска 8 мая 1918 г. заняли Ростов-на-Дону, одновременно восставшие донские казаки заняли Новочеркасск и отразили контрнаступление большевиков, пытавшихся вернуть город. Часть большевистских войск в этом районе оказалась в окружении. Немцами были взяты в плен и отправлены в Германию до 5 тысяч красногвардейцев.

¹ *Селивано А. Г.* – большевик, председатель Урюпинского ревкома.

² *Ковалев Виктор Семенович* (1883–1919), из казаков, член партии с 1905 года, нестроевой лейб-гвардии Атаманского полка, политкаторжанин. В 1917 году председатель Совета в Гуково, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С марта 1918 г. пред. Донецкого окрисполкома. В апреле 1918 г. председатель 1-го съезда Советов Дона, избран председателем ЦИК Донской советской республики и главнокомандующим ее вооруженными силами. С мая 1918 г. работал в казачьей секции Царицынского совета, формировал красные казачьи отряды. В декабре 1918 – марте 1919 гг. комиссар 23-й стрелковой дивизии Миронова. Умер от чахотки.

³ *Донская советская республика* – провозглашена 23 марта 1918 года в составе РСФСР, в республику входили территории Области Войска Донского и ряд уездов Екатеринославской губернии, центр – Ростов-на-Дону. Одна из целей образования республики – создать на пути наступления немецких войск на спорных территориях ряд «самостоятельных государственных образований». В апреле 1918 года 1-й съезд Советов Донской советской республики избрал ДонЦИК и ДонСовнарком. После потери Ростова и Новочеркасска правительство Донской советской республики переехало в Царицын, а затем в ст. Великокняжескую. В сентябре 1918 года ВЦИК принял решение считать республику ликвидированной.

⁴ *Подвойский Николай Ильич* (1880–1948) из семьи сельского учителя, в революционном движении с 1898 года. Учился в юридическом лицее. В 1917 член

Петроградского комитета РСДРП (б), член Петроградского ВРК и тройки по руководству восстанием. Один из руководителей штурма Зимнего дворца. Командующий Петроградским военным округом. В ноябре 1917 – марте 1918 нарком по военным делам. С марта по сентябрь 1918 г. член высшего Военного Совета, с апреля 1918 по сентябрь 1919 пред. Высшей военной инспекции. С сентября 1918 по июль 1919 член РВС Республики, одновременно наркомвоенмор Украины (январь – сентябрь 1919). В ноябре 1919 – 1923 начальник Всеобуча и частей особого назначения (ЧОН), член РВС 7-й и 10-й армий. В дальнейшем на партийной и советской работе.

⁵ *Трифонов Евгений Андреевич* (1885–1937), из казаков, член партии с 1904 года. В 1917 году член Главного штаба Красной гвардии в Петрограде. Командовал отрядом в боях с Калединым. Комендант Ростова-на-Дону. В марте–апреле 1918 г. военный комиссар Южно-русских областей, член Центрального штаба обороны Донецко-Криворожской республики. Участвовал в боях под Царицыном. В октябре–ноябре 1918 г. начальник военного контроля штаба Южного фронта. В ноябре 1918 – феврале 1919 слушатель Академии генштаба РККА. В дальнейшем командовал соединениями на Украине, 9-й кавалерийской дивизией, был военным комиссаром Донской области. В июне 1921 – феврале 1922 – член Военного совета и зам. главкома Народно-революционной армии Дальневосточной Республики. Известен как писатель Е. Бражнев, автор ряда произведений о гражданской войне.

¹⁶ *Вацетис Иоаким Иоакимович* (1873–1938) – из крестьян, окончил Академию Генштаба (1909), участник 1 мировой войны, полковник. Командовал 5-м латышским Земгальским стрелковым полком. В декабре 1917 г. нач. оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке. С апреля 1918 начальник Латышской стрелковой дивизии. В июле – сентябре 1918 командовал Восточным фронтом. В сентябре 1918 – июле 1919 главнокомандующий Вооруженными Силами Республики. Одновременно в январе – марте 1919 командующий Армией Советской Латвии. С августа 1919 работал в РВС Республики. С 1921 на преподавательской работе.

¹⁷ ...императорскую Николаевскую академию – Императорская военная академия была создана в 1832 году при Генеральном штабе, с 1855 года стала называться Николаевская академия Генерального штаба (в честь Николая I), а с 1909 года – Императорская Николаевская военная академия. Готовила военную элиту России. Обучение в Академии считалось почетным.

¹⁸ *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880–1918) – из крестьян, закончил юнкерское училище (1899), участник 1 мировой войны, подполковник. Левый эсер с 1917 года. С 28 октября 1917 г. начальник обороны Петрограда. В декабре 1917 г. начальник штаба Южного революционного фронта, в начале 1918 года командовал войсками Одесской советской республики. С 13 июня 1918 г. командующий Восточным фронтом. 10 июля 1918 г. поднял мятеж в Симбирске и объявил себя главнокомандующим армией, объявившей войну Германии. 11 июля во время переговоров с большевиками был убит.

¹⁹ *Мехоношин Константин Александрович* (1889–1938) – из семьи учителя, учился в Петербургском университете, член РСДРП(б) с 1913 года. С ноября

1917 г. зам. наркома по военным делам, один из организаторов Красной Армии. С марта 1918 г. член Высшего Военного совета. В июле–августе 1918 член РВС Восточного фронта. В сентябре 1918 – июле 1919 член Реввоенсовета Республики, в дальнейшем член Реввоенсоветов фронтов и армий. После гражданской войны на военной и советской работе.

20 *Невский Владимир Иванович* (Кривобоков Феодосий Иванович) (1876–1937) – из семьи купца, окончил Харьковский университет (1911), член партии с 1897 года. 1917 году член Петроградского ВРК. В июле 1918 – марте 1919 нарком путей сообщения, в октябре 1918 – мае 1919 член Реввоенсовета Республики. С мая 1919 ректор Коммунистического университета им. Свердлова. С 1921 на государственной и научной работе.

21 *Свердлов Яков Михайлович* (1885–1919) – из семьи ремесленника, член РСДРП(б) с 1901 года. В 1917 году возглавлял секретариат ЦК РСДРП(б). Член Петроградского ВРК. С 8 (21) ноября 1917 г. Председатель ВЦИК – формально глава государства. На указанном Носовичем совещании не присутствовал.

22 *Аралов Семен Иванович* (1880–1969) – из семьи купца, окончил Московский коммерческий институт. Участник 1-й мировой войны, штабс-капитан. В социал-демократическом движении с 1903 года, в РКП(б) с 1918. С января 1918 начальник оперативного отдела Московского военного округа. В сентябре 1918 – июле 1919 член Реввоенсовета Республики, одновременно в ноябре 1918 – июле 1920 начальник Разведуправления Полевого штаба. Член РВС ряда армий и фронтов. С 1921 года полпред в Литве, Турции, Латвии.

23 *Гетманская Украина* – 28 апреля 1918 года германское командование организовало переворот на Украине и вместо Центральной Рады привело к власти гетмана П. Скоропадского. Украинская народная республика была переименована в Украинскую Державу.

24 *Продовольственные отряды* – продовольственные отряды стали создаваться для заготовки и охраны хлеба с первых дней революции, состояли преимущественно из рабочих. Декретом ВЦИК от 27 мая 1918 года стали создаваться при местных органах Наркомата продовольствия. Объединялись в единую продовольственно-реквизиционную армию (командующий Г. М. Зусманович). В ноябре 1918 года численность продотрядов достигала 72 тысяч человек.

25 ... *серьезное восстание рабочих* – 7 августа 1918 года в Ижевске началось восстание местных офицеров, гимназистов и членов эсеровской организации «Союз фронтовиков». К восстанию примкнули многие рабочие. 21 августа повстанцы захватили Воткинск, 31 августа Сарапул. Властью считали Комитет Членов Учредительного Собрания. К 16 ноября 1918 года восстание было подавлено силами 2-й и 3-й армий. Часть повстанцев влилась в войска Колчака.

26 *Гиттис Владимир Михайлович* (1881–1938) – из мещан, окончил юнкерское училище (1902), участник 1 мировой войны, полковник. С февраля 1918 года в Красной армии. В сентябре–ноябре 1918 г. командовал 6-й армией Северного фронта, с декабря 1918 г. – 8-й армией Южного фронта. В январе–июле 1919 г. командующий войсками Южного фронта. В июле 1919 – апреле 1920 командовал

войсками Западного фронта. В мае 1920 – мае 1921 командовал войсками Кавказского фронта. После гражданской войны на командных должностях.

27 *Комиссия генерала Поливанова* – была создана в начале марта 1917 года по инициативе военного министра Временного правительства Гучкова для подготовки реформирования российской армии. В комиссию вошли генерал Поливанов и 6 полковников.

28 ...«чернецовцы» в военной науке – Носович ссылается на известный донским читателям образ полковника В. М. Чернецова, который на Войсковых Кругах в 1917 году требовал восстановления строгой дисциплины в войсках и на производстве. Впоследствии В. М. Чернецов во главе партизанского отряда погиб в борьбе с большевиками.

29 *6-я армия на Архангельском направлении* – 6-я армия была создана приказом РВСР от 11 сентября 1918 г. Армия прикрывала направления от Архангельска на Вологду и по Северной Двине на Котлас и Вятку. Гиттис командовал ей с 11 сентября по 22 ноября 1918 г.

30 *Клембовский Владислав Наполеонович (Владимир Николаевич)* (1860–1921) – из дворян, закончил военное училище (1879) и академию генштаба (1885), участник русско-японской и 1-й мировой войн, генерал от инфантерии, начальник штаба войск Юго-Западного фронта во время «Брусиловского прорыва». В мае-сентябре 1917 г. командующий войсками Северного фронта. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию, работал в военно-исторической комиссии по изучению опыта 1-й мировой войны. В 1920 году член Особого совещания при главкоме. Умер в тюрьме в результате голодовки.

31 *Гутор Алексей Евгеньевич* (1868–1938) – из семьи офицера, закончил военное училище (1889) и Академию генштаба (1895), участник русско-японской и 1-й мировой войн, генерал-лейтенант. В 1917 главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. В 1918 году в Красной Армии. С августа 1918 г. председатель Уставной комиссии. В 1920 г. член Особого совещания при главкоме. С 1931 в отставке.

32 *Каменев Сергей Сергеевич* (1881–1936) – из семьи военного инженера, окончил академию генштаба (1907), участник 1 мировой войны, полковник. После Октябрьской революции избран начальником штаба 3-й армии. В начале 1918 г. вступил в Красную Армию. С июня 1918 нач. 1-й Витебской пехотной дивизии, с августа 1918 помощник военного руководителя Западного участка завесы и военрук Смоленского района. С сентября 1918 по июль 1919 командующий Восточным фронтом. С июля 1919 по апрель 1924 главнокомандующий Вооруженными Силами Республики. Затем был начальником Штаба РККА, заместителем наркома по военным и морским делам, командармом 1-го ранга.

33 ... а теперь тоже судя по газетным известиям, арестованного... – 9 июля 1919 года И. Вацетис был арестован по подозрению в заговоре, подозрения оказались ложными.

³⁴ *Сытин Павел Павлович* (1870–1938), из семьи военного чиновника. Окончил Академию Генштаба (1899), участник русско-японской и 1 мировой войн, генерал-майор. В декабре 1917 года избран командиром корпуса. В январе 1918 добровольно вступил в Красную Армию. В мае 1918 года глава делегации при ведении мирных переговоров с германским командованием в Харькове. С июля 1918 – начальник 2-й Орловской пехотной дивизии, с конца августа военный руководитель Южного участка отрядов завесы, с сентября по ноябрь 1918 г. командующий Южным фронтом. Затем начальник военно-административного отдела управления делами РВС Республики, в 1920–1921 военный атташе в Грузии. В дальнейшем на преподавательской работе.

³⁵ *Егоров Александр Ильич* (1883–1939), из мещан, закончил юнкерское училище (1905). Участник 1 мировой войны. Полковник, примыкал к левым эсерам. Член комиссии по демобилизации армии. С января 1918 в военном отделе ВЦИК, участвовал в разработке декрета о создании Красной Армии. С мая 1918 комиссар Всероглавштаба и пред. Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров в Красную Армию. С августа по ноябрь 1918 года командовал войсками, развернутыми в сентябре 1918 года в 9-ю армию. С декабря 1918 по май 1919 г. командовал 10-й армией. Ранен в бою на реке Сал 25 мая 1919 г., награжден Орденом Красного Знамени. С июля по октябрь 1919 г. командовал 14-й армией, с октября 1919 – войсками Южного фронта, в январе – декабре 1920 г. – войсками Юго-Западного фронта. В дальнейшем на командных должностях, начальник Генштаба, зам. Наркома обороны СССР, маршал Советского Союза (1935).

³⁶ ... *помощника видного военного деятеля* – отдавать распоряжения Егорову (командующему войсками, развернутыми в армию) Носович мог от имени военного руководителя Военного Совета СКВО. Таковыми в это время были А. Е. Снесарев и К. Е. Ворошилов. Видимо, речь идет о А. Е. Снесареве.

³⁷ *Думенко Борис Моисеевич* (1888–1920) – из крестьян, участник 1-й мировой войны, вахмистр конной артиллерии. Весной 1918 года организовал конный партизанский отряд, который разросся в 1-й Крестьянский социалистический карательный кавалерийский полк, а затем в 1-ю Донскую кавалерийскую бригаду (сентябрь 1918). С ноября 1918 г. командовал 1-й Сводной кавалерийской дивизией 10-й армии (позже – 4-я кавалерийская). С апреля 1919 г. помощник начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части. В мае 1919 г. командовал группой войск 10-й армии. Ранен в бою на реке Сал. С сентября 1919 по февраль 1920 командовал Конно-сводным корпусом, который в январе 1920 г. первым ворвался в Новочеркасск. По ложному обвинению в убийстве военкома корпуса и подготовке мятежа осужден и расстрелян 11 мая 1920 года.

³⁸ *старый вахмистр* – младший командный состав российской императорской армии, особенно – сверхсрочный (а именно к нему автор и относит Думенко), отличался высоким профессионализмом, дисциплиной, и определенной жестокостью по отношению к подчиненным.

³⁹ «*Красный Стюарт*» – Носович называет так Думенко по аналогии с Д. Стюартом, известным кавалерийским генералом «южан» во время гражданской войны в США.

⁴⁰ *Киквидзе Василий Исидорович* (1895–1919) – из семьи мелкого чиновника, окончил гимназию. Участник 1-й мировой войны, вольноопределяющийся. В ноябре 1917 г. избран товарищем председателя ВРК Юго-Западного фронта и начальником 6-й кавалерийской дивизии. С конца декабря 1917 г. сформировал Ровенский отряд, который вел бои с войсками Центральной Рады. В январе 1918 г. постановлением ВРК Юго-западного фронта избран командующим фронтом. С марта 1918 г. командовал 4-й социалистической армией, сражался с немцами и войсками Центральной рады, руководил обороной Харькова, ушел с территории Украины на территорию РСФСР, где в мае 1918 его армия была переформирована в дивизию (с октября – 16-я стрелковая дивизия). Смертельно ранен в бою 11 января 1919 г. (умер 12 января).

⁴¹ *Жлоба Дмитрий Петрович* (1887–1938) – из крестьян, участник 1-й мировой войны, младший унтер-офицер. Окончил Московскую авиационную школу (1917). Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Командир красногвардейского отряда. В ноябре 1917 г. направлен в Донбасс для организации отрядов Красной гвардии, командир Ясинского красногвардейского отряда, 2-го Революционного Северо-Кавказского полка, Отдельной конно-пешей бригады. В сентябре – ноябре 1918 г. командовал 1-й Стальной дивизией. С декабря 1918 г. командир Особого партизанского отряда 11-й армии, в январе 1919 – феврале 1920 – 1-й Партизанской кавалерийской бригады, в феврале – июле 1920 – 1-го конного корпуса. В июле 1920 г. – начальник 20-й кавалерийской дивизии. В марте–мае начальник 18-й кавалерийской дивизии. Участвовал в «советизации» Грузии. С июня 1922 на хозяйственной работе.

⁴² ...удар под Царицыном в октябре 1918 года – во время второго наступления Донской армии на Царицын в октябре 1918 года Д. П. Жлоба с 1-й стальной дивизией прошел с территории Кубани через ставропольские степи и оказался в тылу наступающей на Царицын белоказачьей группировки. Удар 1-й Стальной дивизии для белых был неожиданным, они потеряли значительное количество астраханских казаков, участвовавших в наступлении на Царицын.

⁴³ *Гай Гая Дмитриевич (Бжишкян Гайк)* (1887–1937) – из семьи учителя, участник 1-й Мировой войны, прапорщик. В 1918 году во главе сформированных им отрядов вел бои с белочехами. В июле–ноябре 1918 года командовал 1-й сводной Симбирской пехотной дивизией (позднее 24-я стрелковая дивизия). В январе–мае 1919 г. командующий 1-й армией. В августе–сентябре 1919 командовал 42-й стрелковой дивизией, в сентябре 1919 – марте 1920 – 1-й Кавказской кавалерийской дивизией на Южном фронте. С марта 1920 г. командовал конным корпусом Западного фронта. Участвовал в наступлении на Варшаву. В дальнейшем на военно-педагогической работе.

⁴⁴ *Берзин* – среди активных участников гражданской войны инженера Берзина не встречается. Есть два учителя и один рабочий. В описываемое время все они были далеко от Царицына.

⁴⁵ ... в запломбированном вагоне – В. И. Ленин и его ближайшие соратники возвращались в Россию из Швейцарии через территорию воюющей с Россией Германии и Швеции; проезд через Германию осуществлялся в запломбирован-

ном вагоне, что якобы служило гарантией от контактов В. И. Ленина с немецкими спецслужбами.

46 *...различные награды в виде жетонов и значков* – с начала формирования Красной Армии был введен красноармейский нагрудный знак в виде красной звезды, расположенной поверх венка из лавровых и дубовых веток, в центре звезды находилась эмблема – плуг и молот; с 29 июля 1918 г. был установлен значок-кокарда для головного убора – красная звезда с эмблемой плуг и молот. В январе 1919 г. были объявлены нарукавные знаки различия военнослужащих и знаки различия родов войск в виде клапанов-петлиц на воротниках. В качестве главной награды в 1918 году был утвержден Орден Красного Знамени. Другие наградные жетоны и значки были продуктом местного творчества.

47 *Миронов Филипп Кузьмич* (1872–1921) из казаков, закончил юнкерское училище (1898), участник русско-японской и 1-й мировой войн, войсковой старшина. В декабре 1917 г. избран командиром 32-го Донского казачьего полка. Был членом ВРК и военкомом Усть-Медведицкого округа, с мая 1918 г. командовал войсками округа, с июля 1918 – Усть-Медведицкой бригадой, с октября – Усть-Медведицкой стрелковой дивизией (впоследствии 23-я стрелковая дивизия). С марта 1919 – помощник и врид командующего Белорусско-Литовской армией. С июня 1919 командир Особого корпуса на Южном фронте. С июля формировал Донской казачий кавалерийский корпус в Саранске, самовольно выступил на фронт, за что был арестован, приговорен к расстрелу, но помилован и реабилитирован. Работал в Донисполкоме заведующим земельным отделом. С сентября по декабрь 1920 г. командовал 2-й конной армией. Инспектор кавалерии РККА. Арестован по подозрению в заговоре и расстрелян по решению Коллегии ВЧК 2 апреля 1921 г.

48 *...во дни Каледина* – имеется в виду период противостояния правительства атамана А. М. Каледина и большевиков – октябрь 1917 – январь 1918 гг.

49 *...едва в станицах началось восстание* – в станицах Усть-Медведицкого округа восстание казаков против Советской власти началось в начале мая 1918 года.

50 *Здобнов – Сдобнов Илларион Александрович* (? – ?) – из казаков, участник 1-й мировой войны, есаул, командир сотни 5-го Донского полка. В Красной армии – начальник штаба 23-й стрелковой дивизии.

51 *...раздевают догола* – зимой из-за отсутствия теплых вещей так поступали и белые и красные.

52 *Сиверс Рудольф Фердинандович* (1892–1918) – из семьи служащего, окончил военное училище, участник 1 мировой войны, прапорщик. Один из создателей и редакторов большевистской газеты «Окопная правда». В РКП(б) с 1917 г. В январе – феврале 1918 г. командовал советским отрядом, наступающим с территории Украины на Таганрог, в конце февраля – марте командовал войсками в районе станции Тихорецкая, в марте – апреле командовал 5-й (затем 2-я Особая) армией. С лета 1918 г. командир 1-й Украинской особой бригады. Умер от ран 2 декабря 1918 г.

53 Рольк А. С. (?–?) – 11 сентября – 31 декабря 1918 года врид начальника 14-й стрелковой дивизии Красной Армии.

54 *Брест-Литовский мирный договор* – мирный договор между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой был заключен 3 марта 1918 года. Договор устанавливал прекращение войны, от России отторгались значительные территории (ок. 1 млн. кв. км) – Литва, Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, часть Белоруссии; на Кавказе к Турции отходили Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. Дополнительно 27 августа Россия обязалась выплатить Германии 6 млрд. марок.

55 *...взятие большевиками Киева в феврале 1918 года* – 26 января (8 февраля) 1918 года отряды Красной гвардии, руководимые украинским советским правительством из Харькова, заняли Киев и выгнали оттуда Центральную Раду. Центральная Рада переехала в Житомир и объявила о полной независимости Украины от России и о начале отдельных переговоров с немцами о мире.

56 *Добровольческая армия* – начала формирование 2 (15 ноября) в Новочеркасске, как «Алексеевская организация»; 25 декабря 1917 (7 января 1918) года с вступлением в командование генерала Л. Г. Корнилова стала именоваться Добровольческой армией. В конце февраля 1918 г. насчитывала 3800 человек. Зарекомендовала себя наиболее боеспособной антибольшевистской военной организацией. После 1-го и 2-го Кубанского походов, в начале 1919 года, командование армии в лице генерала А. И. Деникина объединило вокруг себя все белые войска в регионе и создало Вооруженные силы Юга России. В результате потерь в январе 1920 года войска Добровольческой армии были сведены в корпус.

57 *«чрезвычайки»* – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем образована постановлением СНК 7 (20) декабря 1917 г., играла роль политической полиции. Положение о ВЧК и ее местных органах утверждено ВЦИК 28 октября 1918 г. К концу 1918 г. было образовано 40 губернских и 356 уездных ЧК. Имели право внесудебной расправы. 6 февраля 1922 г. ВЦИК преобразовал ВЧК в Гос. политическое управление (ГПУ) при НКВД.

58 *Южная армия* – формировалась на территории Украины при поддержке гетмана П. Скоропадского как одна из антибольшевистских армий. Осенью 1918 года была передана под командование Донского атамана и названа Воронежским корпусом. Реально на фронте имела 3000 бойцов. В феврале–марте 1919 г. передана под командование Вооруженных сил Юга России и вошла в состав 6-й пехотной дивизии.

59 *Всевеликое Войско Донское* – название государственного образования на территории Области Войска Донского, провозглашенное в мае 1918 года на Круге Спасения Дона. ВВД обладало всеми атрибутами государства и самой многочисленной в регионе Донской армией (95 тысяч человек). Просуществовало до окончания гражданской войны на Дону.
